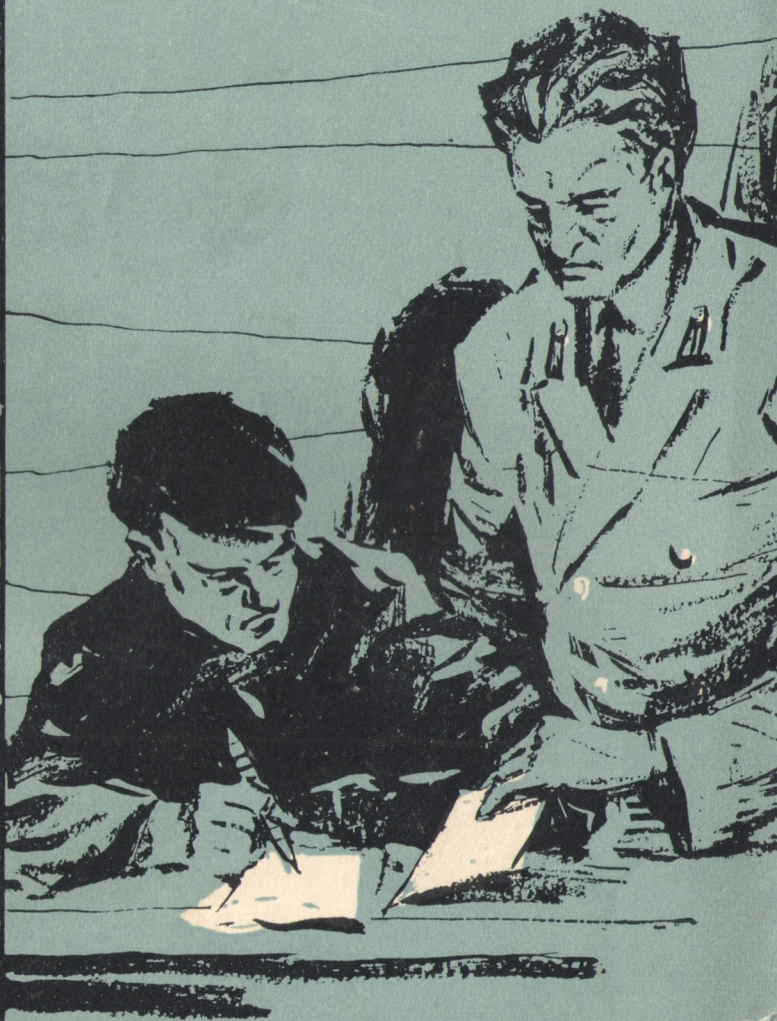

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

А. Г. ДВОРКИН

ДИКТАНТ
с ощижкой

Записки
СЛЕДОВАТЕЛЯ

А. Г. ДВОРКИН

Диктант с ОШИБКОЙ

РАССКАЗЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1961

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

По утрам к универсальному магазину подкатывал сипый «Москвич». За рулем сидел румяный полный мужчина. Выйдя из машины, он быстрым, деловым шагом направлялся в ювелирную секцию.

Никто не замечал ничего, что могло бы опорочить заведующего секцией Барковского. Напротив, его всегда ставили в пример другим.

Но однажды против обыкновения «Москвич» не появился у магазина. Вскоре выяснилось, что он и не появится — обладатель его арестован. А через некоторое время результаты ревизии совсем обескуражили работников магазина: в ящиках, где должны были храниться золотые часы, лежали... гири. Заведующий ювелирной секцией Барковский оказался вором.

Расхититель пойман, суд воздал ему должное. Но возникает вопрос: можно ли было предотвратить преступление? Как случилось, что в течение ряда лет жулик орудовал безнаказанно?

Вот небольшая выдержка из протокола допроса Барковского:

«— Ревизии в секции были?

— Конечно, по несколько раз в год.

— Почему же ревизоры ничего не обнаружили?

— Мне удавалось их ловко дурачить. Покажу коробку, назову количество часов, которые там находятся. Вначале брал коробки, в которых все было в порядке — вдруг вздумают посмотреть. А потом показывал пустые коробки...»

Никому из ревизоров не приходило в голову проверить содержимое всех коробок, и, таким образом, вор долго оставался незамеченным. Это лишь один пример того, как беспечность отдельных работников создает условия для совершения преступления.

Хочется верить, что описанные в настоящей брошюре случаи из практики следователя, в основе которых лежат действительные события, помогут нашим гражданам повысить бдительность.

В брошюре рассказывается не только о том, как следственные органы раскрывают преступления, но и о простых советских людях, которые самоотверженно помогают следователю в его нелегком, но благородном труде.

Советскому человеку глубоко чужда мещанская психология: «Моя хата с краю». Он не может проходить мимо нарушений закона. Борьба с преступлениями — дело не только судебных-следственных органов, но и всей нашей общественности, всех граждан. Об этом еще раз напоминают предлагаемые вниманию читателя записки следователя.

ДИКТАНТ С ОШИБКОЙ

Мерно стучали колеса. Поезд увозил Андрея и Машу все дальше и дальше. Позади остались колония, долгие дни, проведенные в заключении. Впереди — новая, волнующая жизнь...

Покончить навсегда с дурным прошлым, забыть о нем, честно трудиться — эта мысль давно уже захватила Машу. Девушка жила ею, мечтала, радовалась перелому, который в ней наступил.

А Андрей?

— Скажи, Андрюша, что ты думаешь делать дальше? Я с тобой откровенна, а ты...

— Я тоже, Маша. Во-первых, хочу быть все время с тобой. Ты же знаешь, я люблю тебя.

Маша ласково погладила Андрея по руке.

— А во-вторых?

— Поступлю в театр. Я верю в свою звезду, в свой талант.

— Но ведь у тебя нет никакой подготовки. Тебе учиться надо!

— Пустяки. Сцена — лучшая школа. Вот посмотришь, годика через три-четыре получу заслуженного, вспомнишь мои слова...

Маша задумчиво смотрела в окно, за которым растилась бесконечные просторы. Как она мечтала о них все эти вычеркнутые из жизни дни, месяцы, годы!

— Скажи, — неожиданно спросила девушка, не поворачивая головы, — почему все называют тебя Альфонсом? Ведь твое настоящее имя Андрей.

— Зови меня, как хочешь. Но имя Альфонс, по-моему, больше импонирует моей внешности.

... И вот она, долгожданная Москва. Прощались тепло. Крепкое рукопожатие, поцелуй. Договорились встретиться в ближайшие дни.

Андрей отправился в центр города к своим родителям, а Маша — на другой вокзал, чтобы на электричке доехать до подмосковного городка, где жила ее тетка.

Стремительно понеслись дни. Новая жизнь, новые люди. Маша устроилась в райпотребсоюз товароведом. Работа пришлась по душе. Прошлое постепенно забывалось.

Сначала Андрей часто навещался к Маше. Он рассказывал, что поступил на работу в театр, правда, занят пока лишь в маленьких ролях.

И вдруг Андрей исчез. Жизненные пути молодых людей разошлись. Трудно сказать, встретились бы они когда-нибудь снова, если бы не случай...

* * *

С каждой встречей новый знакомый все больше нравился Зосе. Приятно было идти рядом с этим статным, красивым молодым мужчиной, слушать его всегда интересные рассказы. Правда, смущало немного Зосю имя знакомого — Альфонс. Про себя она называла его просто Алик. Это звучало куда приятнее и совсем уж по-дружески.

Алик частенько опаздывал на свидания, а раз и вовсе не пришел. Но на другой день позвонил Зосе на работу и извинился. Он не виноват: задержали в театре, неожиданно была назначена репетиция.

Однажды Зося спросила, в каком театре он работает.

— Это пока секрет, дорогая. Когда будет премьера, я сам передам в твои милые ручки билет. Тогда

прочтешь на нем название одного из известных театров...

Зося верила ему. Он говорил так просто и убедительно. А как-то раз нежно привлек ее к себе и сказал:

— Скоро мои старики обменяют квартиру, выделят мне комнату. Тогда мы поженимся, конечно, если ты захочешь.

Отправляясь как-то утром в универмаг, где она работала продавщицей в бельевой секции, Зося радостно мечтала о будущем. Правда, мечты ее немного омрачало вчерашнее происшествие: накануне Алик сказал, что будет занят в театре, но, возвращаясь вечером домой, Зося случайно увидела его на улице в компании подвыпивших молодых людей. Впрочем, она тут же нашла ему оправдание. Возможно, Алик просто не успел сообщить ей, что освободился раньше.

До начала работы заведующий бельевой секцией Иван Илларионович Иванов вызвал к себе Зосю и предложил ей торговать бельем за наличный расчет, минуя кассу. Заметив недоуменный взгляд девушки, Иванов сказал:

— Голубушка! Ведь завтра конец месяца, надо план выполнять. Наплыв покупателей большой, касса не справляется с таким притоком. Поэтому получай деньги сама.

Хотя Зося и считалась с авторитетом своего начальника, ее охватило сомнение. А вдруг это какая-нибудь незаконная операция?

На следующий день Зося зашла в районный комитет комсомола, где рассказала о своих подозрениях. Через полчаса она уже сидела в кабинете следователя. Пожилой мужчина внимательно, не перебивая, выслушал взволнованный рассказ девушки.

— Вы поступили правильно, по-комсомольски, — сказал он Зосе. — Проверим, выясним.

В универмаг явилась комиссия. Она провела тщательную инвентаризацию товаров бельевой секции, сверила наличие их с документами и обнаружила излишки белья и простыней. Опасения Зоси подтвердились. Белье и простыни, несомненно, были доставлены в магазин со стороны. Но кем и откуда?

Заведующий секцией Иванов, уличенный бесспорными доказательствами, признался, что он «приоб-

рел» эти товары у одного гражданина по имени Валентин. Однако толком ничего рассказать о нем не мог.

— Мы условились, — говорил на допросе Иванов, — что Валентин после продажи товаров заедет ко мне в магазин и получит половину их стоимости, а другая половина пойдет мне.

А через несколько дней в прокуратуре было возбуждено еще одно дело..

* * *

На сбытовой базе, как всегда, было много представителей различных организаций. Товары отпускались тем, кто имел на них фонды и наряды. Однако кое-кто приезжал и без них в надежде получить внефондовый товар.

Именно с такой просьбой обратился к директору базы представитель Нефедовского райпотребсоюза Иван Иванович Малинин.

— Знаете, я даже согласен взять кое-что из неходовых товаров, только бы получить белье и простыни. Большой спрос у нас в Нефедове на этот товар.

Малинин говорил горячо, убедительно, и с ним согласились. Директор базы вызвал главного бухгалтера.

— Надо будет отпустить Малинину белье и простыни. Ведь он, кроме того, хочет взять на несколько десятков тысяч рублей неходового товара. Понимаете, какая эта находка для нас? Побыстрее оформляйте, а то еще раздумает.

Малинин предъявил доверенность. Никому в голову не пришло проверить у него другие документы. Такой выгодный покупатель встречается редко.

Итак, сделка состоялась. Товар был получен и вывезен. А затем, как это полагается, база направила счет райпотребсоюзу. И что же? Счет вернулся без оплаты. В сопроводительном письме сообщалось, что райпотребсоюз не уполномочивал никакого Малинина получать на базе товар и что вообще такого агента у них никогда и не было. Товар в райпотребсоюз не поступил.

Так возникло дело о получении на сбытовой базе неизвестным лицом товаров по подложным документам,

Оказалось, что обнаруженные в бельевой секции универмага белье и простыни похищены именно с этой базы. Теперь необходимо было установить личность Валентина и Малинина.

...На очередном допросе бывший заведующий бельевой секцией универмага Иванов уверял, что он впервые в жизни совершил незаконную операцию, и вызвался всячески помогать следствию в установлении личности Валентина.

— Дело в том, — заявил он, — что мы условились встретиться не в универмаге, как я сказал раньше, а в одном из ресторанов. Завтра в 8 часов вечера Валентин будет меня там ждать. Четвертый столик справа от входа. Как будет одет? Право, не знаю. Видел я его в темно-коричневом пальто и такой же шляпе. Роста он высокого, брюнет. Молодой, лет двадцати восьми-тридцати, не больше.

В ресторан прибыла группа оперативных работников. Но ни в 8 часов вечера, ни позже никто из лиц, скольконибудь похожих по описанию Иванова на Валентина, не появлялся. Четвертый столик справа вообще не был занят весь вечер.

Докладывая о результатах наблюдения за рестораном, оперативные работники высказали догадку, что Валентин, по-видимому, уже знает об аресте Иванова и поэтому не явился. Или же Иванов просто-напросто скрывает настоящее имя и приметы сообщника.

Еще и еще раз анализируя факты, перечитывая и сопоставляя материалы дела, следователь решил проверить, не было ли совершено за последнее время аналогичных преступлений. От работы его отвлек телефонный звонок. Докладывал дежурный по прокуратуре.

— Явилась какая-то женщина. Говорит, что с важным сообщением.

И вот в кабинете следователя товаровед Нефедовского райпотребсоюза. Маша подробно рассказала о том, что привело ее сюда. Не утаила она и того, что ранее судилась за мошенничество, отбыла срок.

Случилось так, что в одну из последних поездок Маши в Москву чистые бланки с печатями, которые она обычно брала с собой для оформления торговых операций, не понадобились.

На вокзал Маша возвращалась в трамвае. В вагоне было очень тесно. Сумку с бланками и деньгами она держала под мышкой. На одной из остановок несколько молодых людей, пробиравшихся к выходу, задержались около Маши. Она вдруг почувствовала прикосновение к сумке, и одновременно кто-то толкнул ее. Маша схватилась свободной рукой за сумку — та была на месте. Лишь на вокзале возле кассы Маша обнаружила, что у нее в руках совсем другая сумка, в которой лежало несколько сложенных газет.

— Я сперва ждала, думала, что вернут мне хотя бы бланки, — взволнованно говорила Маша. — Поймите, товарищ следователь, мне ведь вдвойне тяжело. Мало того, что я потеряла важные документы. Главное, я могу утратить доверие людей, принявших меня на работу.

— Бланками райпотребсоюза уже воспользовались преступники, — сказал следователь. — А главная ваша вина в том, что вы несвоевременно заявили о случившемся.

Маша опустила голову. Следователь спросил, не запомнила ли она приметы воров.

— Нет, — покачала головой Маша. — Впрочем, — спохватилась она, — мне тогда показалось, что одного из них я уже видела когда-то с моим знакомым, Андреем. Но я могла и ошибиться. Знаете, мне даже почудилось, что в толпе на остановке трамвая промелькнул Андрей. Я, наверное, ошиблась... Мне нравился раньше Андрей. Но мы уже давно не встречаемся.

— А где живет Андрей?

— Не знаю.

— Как его фамилия?

Увы Маша могла назвать только прозвище Андрея. Настоящей его фамилии она не знала. В колонии они находились в разных зонах.

— Андрея чаще звали Альфонсом, — добавила Маша. — Так ему больше нравилось.

— Странный вкус, — заметил следователь и продолжал: — Сохранились ли у вас его письма, записки, фотографии?

— Нет, ничего нет. Фотографии у меня не было, а записки и открытки я уничтожила.

Воскресный день не радовал Зою. Альфонс в последнее время не заходил и не звонил. Альфонс. Какое нелепое имя! Но разве дело в имени? Ей скучно без Алика, всегда такого внимательного, предупредительного. Почему все-таки он не звонит? Может быть, что-то случилось? Может быть, Алик заболел, а она даже не знает, где он живет...

Девушка шла по улице, предаваясь невеселым думам, и вдруг неожиданно увидела Альфонса. Он стоял около такси.

— Алик!

Альфонс оглянулся, увидел девушку. Особой радости на его лице не отразилось, но он пригласил Зою сесть в машину.

— Знаешь, дорогая, все эти дни я был по горло занят. Вот и сейчас у меня срочное дело, надо подъехать к одному артисту и вернуть ему чемодан, — оправдывался Альфонс. — Но раз уж мы встретились, знакомый, разумеется, подождет. Куда поедем?

— Ко мне, — сказала Зоя. — Посидим, поговорим. Уж очень плохое у меня настроение, Алик.

По дороге Альфонс остановил машину у гастронома и купил бутылку вина. Вскоре они уже сидели у Зои.

— Ну, вот, девочка, снова мы вместе. Не сердись, прошу тебя, — вкрадчиво говорил Альфонс. — Я виноват перед тобой. Но пойми, все это время я изучал новую роль. Она мне чертовски трудно дается, но ничего, ты увидишь, с каким подъемом я ее проведу...

Альфонс обнял и поцеловал Зою.

— Выпьем за наше будущее! — предложил он.

Внезапно в дверь постучали. В комнату вошел старшина милиции. Альфонс побледнел.

— Прощу извинить! — старшина протянул Зосе повестку.

— Какие у тебя дела с милицией, зачем тебя вызывают? — забеспокоился Альфонс, когда за старшиной захлопнулась дверь.

— Почему ты волнуешься? — удивилась Зося. — Вызывают по делу.

И она рассказала, что у них в универмаге арестовали заведующего секцией за сбыт краденого белья. Зося сказала также, что это она высказала свои подозрения следователю.

Но тут, взглянув на Альфонса, девушка испугалась. Лицо его перекошилось, вены на лбу вспухли.

— Зачем ты это сделала!

— Зачем?

В голосе Зоси прозвучало такое удивление, что Альфонс поспешил добавить:

— Ты же могла здорово заработать!

— Заработать? — Зося покорибли эти слова, циничный тон Альфонса. — Нет, своей совестью я не торгую. Я комсомолка и иначе поступить не могла.

— А представь себе, — Альфонс с силой сжал руки Зоси, — что я замешан в этом деле. Да, я! Тогда бы ты тоже донесла? — и он грязно выругался.

— Значит, и ты вор? — бросив в лицо Альфонсу это обвинение, Зося даже не подумала об опасности, которой подвергала себя. — Значит, ты... ты... Сейчас же уходи из моего дома!

Возможно, если бы Альфонс попытался сейчас, в эту минуту, как-то переубедить Зося, она бы поверила ему.

Но он, втянув голову в плечи, молча взял свой чемодан и быстро вышел.

Когда Зося, наплакавшись вволю, пришла в себя и спокойно все обдумала, она поняла, что у нее только один путь.

Через два часа Зося была уже в кабинете следователя, того самого, который недавно сказал ей: «Вы поступили правильно, по-комсомольски».

Совсем немного вопросов задал на этот раз следователь. Его интересовали фамилия Альфонса, адрес и где он работает. Увы! Зося не могла на это ответить. В конце короткой беседы следователь с упреком сказал ей:

— Как же это вы, комсомолка, так просто и легко завязываете знакомства со случайными людьми?

Что могла возразить Зося!

Спустя несколько дней в этот же кабинет вошел возбужденный молодой человек.

— Мне прислали повестку. В чем дело? Чем я провинился?

— Разве мы вызываем только провинившихся? — улыбнулся следователь. — Прошу вас, расскажите подробно о себе.

— А что рассказывать? — удивился тот. — Моя фамилия Малинин, родился я в 1930 году, вот мой паспорт, окончил институт иностранных языков. Работаю преподавателем в школе. Женат, есть ребенок. Вот и все.

— Вы судились?

— Никогда.

Следователь внимательно рассмотрел документы Малинина, потом сличил номер его паспорта с номером, указанным в доверенности на получение с базы белья. Эти номера не сходились.

— Скажите, — поинтересовался он, — вы никогда не теряли документов?

— Ах, вот оно что! — воскликнул Малинин. — Да, действительно, у меня выкрали в магазине бумажник, в нем были паспорт и деньги. Я сообщил об этом в милицию и получил новый паспорт.

Вызванные Маша и Зося заявили, что Малинин им не знаком.

Но вот пришел ответ на запрос от начальника колонии, где находился раньше Альфонс: «В колонии отбывал наказание Андрей Иванович Балакин, которого заключенные называли Альфонсом. Адрес и фотокарточка Балакина прилагаются».

Все становилось на свои места.

Прошло еще некоторое время, и Альфонс, он же Андрей Балакин, сидел в кабинете следователя.

Сначала задержанный вел себя на допросах нагло, все отрицал. Следователь терпеливо слушал, когда он подолгу говорил о себе, о том, что порвал с прошлым и стал на честный путь.

Неожиданно следователь предложил:

— Давайте, Андрей Иванович, напишем маленький диктант.

Он протянул Балакину чистый лист бумаги, ручку и неторопливо продиктовал: «Директору базы. Нефедов-

ский райпотребсоюз просит отпустить для нужд сельпо белья, простыней и других товаров на сумму до 200 тысяч рублей. Получение товара доверяем нашему агенту Малинину...»

Перечитав «диктант», следователь улыбнулся:

— Снова та же ошибка. И в письме райпотребсоюза, и сейчас вы написали «сельпа». Хромает у вас грамматика, Андрей Иванович. Ну, что же, Балакин, — уже деловито осведомился он, — вызывать свидетелей или сами дадите показания?

И Балакин вынужден был сознаться.

Таня поправила прическу, накинула на себя новую изящную шубку из искусственного меха и через минуту уже очутилась в зале ожидания аэровокзала. Не успела она войти, как услышала слова диктора: «Самолет рейсом 26-05 опаздывает на пять часов...»

Пять часов! Хорошенькое дело! Вначале объявили, что на два часа, теперь еще на три... Что бы могло случиться?

На улице стелился туман, настолько густой и сизый, что едва видны были подъезжающие к аэровокзалу автомобили.

— Ну и погодка... не мудрено, что график пошел кувырком, — поймала Таня обрывки чьей-то фразы.

«Пожалуй, правда, погода всему причиной, — подумала девушка. — Но ведь есть же приборы, позволяющие летать в любую погоду». И как бы в подтверждение этого донесся знакомый шум — какой-то самолет произвел посадку и подруливал по бетонной дорожке к зданию аэровокзала.

Вернуться? Может быть, диктор ошибся? Может быть, прорвав свинцовую завесу, приземлился именно

тот самолет, которого она так ждет. Возможно, в эту минуту из кабины выходит Сергей, ее Сергей...

Самолет оказался не тот. Таня посмотрела на часы. Смена ее кончилась. Если ждать — засидишься до глубокой ночи, и главное нет уверенности, что опоздание не увеличится еще. «А как же мама? — подумала девушка. — Она не ляжет спать, пока я не вернусь».

Тревога за дочь возросла у матери с тех пор, как Таня стала работать самостоятельно, возглавила смену. Частенько ни с того, ни с сего мать начинала причитать: «Смотри, доченька! Дело у тебя такое...» На это Таня иногда спокойно, а иной раз и с раздражением отвечала: «Что же я, маленькая? Училась-то для чего, институт кончала?»

Желание во что бы то ни стало встретить Сергея, который с первых дней знакомства пришелся ей по душе, взяло верх. Таня связалась с диспетчерской и узнала, что машина задержалась на промежуточном аэродроме по технической неисправности. Она, как сейчас передали, уже устранена, и опоздания больше не предвидится.

...Он, конечно, сразу заметил, что на ней обновка, которая так шла к ее статной фигурке. Заметили это и друзья Сергея, члены его экипажа.

— Смотри, Павел, без году неделю работает Танюша в ресторане аэропорта, а какую шубу успела оторвать, — подмигнув приятелю, бросил бортмеханик Николай Станченко.

— Что сплетничаешь, Николай? — недовольно ответил Павел. — Зачем девушку зря порочишь?

К счастью, Сергей этого не слышал.

На сей раз Таня, имевшая обыкновение рассказывать своему другу обо всем, что делалось у них дома, на работе в его отсутствие, кое о чем умолчала. Она думала, что все уладится, не хотела расстраивать Сергея.

А произошло вот что. Когда истек первый месяц работы Тани начальником смены в ресторане аэропорта, ее вызвал к себе заведующий производством Иван Степанович Симаков. В кабинете его она застала своих подруг — Любу Романову и Тамару Гоглидзе. Всех их вместе по окончании института направили сюда работать и каждую назначили начальником смены.

-- Вот что, девушки, бухгалтерия подала сегодня сведения. У всех у вас недостача. Правда, незначительная, но недостача. Как изволите поступить?

— Ознакомьте нас с расчетами, — заявила Люба.

— Что это даст? Только время зря тратить. Бухгалтерия, должен вам сказать, наука точная... И объективная... Надо погасить. А в дальнейшем... В дальнейшем — приглядитесь, учтите...

Учтите... Разный смысл можно было вложить в это слово. Кто знает, что имел в виду завпроизводством? Таня не могла понять, в чем дело, и решила посоветоваться со старшим поваром — молодым человеком одного с ней возраста. Она давно замечала, что парень к ней не равнодушен, даже пытался ухаживать за ней, но «атаки» его были отбиты. Девушка думала только о Сергее.

Владимир ничем ей не помог.

— Работать надо уметь, — выслушав Таню, сухо отрезал он и больше ничего не сказал.

Таня старалась изо всех сил, вникала во все мелочи. Ей казалось, что все шло нормально. Но вот через два месяца ее опять вызвал заведующий производством.

— Что же это у вас, товарищ Маркелова, — официально начал он, — не прекращаются недостачи? Глядите, плохо кончится. Сколько уже у нас работаете?.. Вот у сменщиц Романовой и Гоглидзе все в порядке, даже излишечек кой-какой есть.

Девушка хотела что-то возразить, предложить сообща разобраться, но от огорчения и обиды слова будто застряли у нее в горле, точно она действительно была в чем-то виновата.

— Придется восполнить недостачу за счет собственного кармана, — продолжал завпроизводством и, поймав беспомощный взгляд Тани, добавил: — Слишком уж придиричивы, барышня... Откуда это у вас? Сказывал мне старший повар — шагу лишнего не даете ему ступить, проявить инициативу, не спускаете с него глаз, будто он только и думает о жульничестве.

— Что контролирую — верно. А насчет подозрений — никогда не возникало у меня такой мысли, — подавленно ответила Таня.

Вечером к Тане пришла Люба, чтобы вместе пойти на каток. Таня была явно не в духе.

— Ты что такая хмурая? — спросила Люба.

— Просто не знаю, как дальше быть, не клеится у меня что-то. Снова недостача... А ведь и сил не жалею, и знаний как будто хватает. Правда, опыта еще мало-вато, да ведь у тебя с Тamarой столько же...

Потом Таня добавила, что продала бы свою шубку, не будь это памятным подарком от отца ко дню окончания института.

— Может быть, совсем оставить мне работу, — как-то неопределенно произнесла она, уткнув лицо в воротник.

— Что ты, разве это выход? Да в своем ли ты уме, Танюша? — запальчиво произнесла Люба.

— Вот что, ты мне скажи, только на чистоту... — Таня запнулась, не решаясь высказаться до конца.

— Ну, что? Спрашивай, коль заикнулась.

— Хорошо, спрошу. Вы с Тamarой ничего... ничего не позволяете?..

— Как тебе не стыдно, Таня, подозревать подруг? Ты же знаешь меня и Тamarу. Помнишь, как на практике Тamarка распекла кладовщика за один лишь намек?

— Прости, Любаша. Просто в догадках теряюсь...

— Сергею говорила? Нет? Обязательно скажи. А мы посоветуемся, обсудим. Недостачу поможем покрыть..

* * *

А в это самое время в другом конце города заведующий производством Симаков роптал на свою судьбу. Сидя с дружкой за бутылкой, он изливал ему свою душу.

— Да, что-то стало не того... Чижало... Щели все позакрыты. И к тому же народец, должен тебе сказать, пошел... То ли пуще прежнего тюрьмы бояться стали, то ли звонкая монета перестала манить людей... Да взять хотя бы эту «святую троицу», что мне прислали. Каши с эдакими-то не сварить, нет... Ершистые больно...

— Ничего, обломаются, обмякнут...

— А намедни, — расхохотался зав, — книгу жалоб и предложений мне принесли... Что же, ты думаешь, я вычитал там? Второй раз, пишет геолог какой-то, посетил ресторан. Приятно, мол, отметить, что официанты отказываются от чаевых. «Оскорбительно это, уберите», —

возмутился даже один. Прошу, пишет геолог, объявить им благодарность, сказать простое русское спасибо...

— Моде, видите ли, следуют, — крикнул собеседник. — Магазин — без продавцов, троллейбус — без кондуктора, официанты — без чаевых...

— Своим домочадцам рассказал про запись в книге, а внук тут как тут: это, говорит, дед, вполне даже логично, сознание людей растет, к коммунизму приближаемся. Вполне даже логично, слышь.

...Таня и на этот раз не решилась рассказать о своих неприятностях Сергею. Что он подумает?

Однажды, когда она собралась идти с работы домой, подошел Владимир.

— Разрешешь проводить тебя? — спросил он.

— Пожалуйста, — ответила девушка.

Одной ехать скучно, что же тут дурного, если она вместе со старшим поваром поедет?

А парень подумал совсем иное. Он решил, что завоевал, наконец, благосклонность девушки, решил, что удастся сломить ее характер, что теперь сработаются они легче, чтобы, как говорил завпроизводством Степаныч, не только избежать недостачи, но и иметь «навар» для себя.

В последнее время Таня стала ловить себя на том, что механически подписывала документы, не вникая в их суть, а иногда забывала проконтролировать, какое мясо поступило по накладной: первой или второй категории. Происходило так, возможно, потому, что на нее подействовали слова Симакова о том, что она не дает старшему повару самостоятельно шагу ступить, а может быть, оттого, что в последнее время она слишком много внимания уделяла Сергею, всегда торопилась.

Еще как-то был случай, когда Владимир предложил проводить ее. Но сказал он об этом грубо, бесцеремонно, от него разлило вином. Парень, видно, счел, что дело его выиграно. Но, вопреки ожиданию, получил решительный отпор.

С тех пор он стал коситься на Таню, а будучи как-то навеселе, бросил несколько фраз, повергших девушку в смущение.

— Татьяна Борисовна! — воскликнул он. — Приветик! И поздравляю. С недостачами покончено. Выходите в большое плавание. Мое вам...

А через несколько дней все выяснилось. Завпроизводством вежливо пригласил Таню в свой кабинет. Вид у него был не столь свирепый, как всегда.

— Это вам, Таня, — произнес он, протянув девушке конверт с деньгами.

Что это? Взятка? Да как он смеет! Размахнуться, дать пощечину? Мысли одна за другой проносились в голове. Но она растерялась, не решилась ни на что. И это дало ее собеседнику возможность взять инициативу в свои руки.

— Пожалуйста, не удивляйтесь. У вас были недостатки, вы их покрывали. Теперь получился излишек. Так на так выходит. Деньги принадлежат вам по праву.

Расчет был верен. Таня заколебалась, напряжение упало.

— Это же в порядке вещей. Вы не должны быть в ущербе, — вкрадчиво нашептывал завпроизводством.

И обычная трезвость девушки на сей раз изменила ей. Она приняла конверт.

События стали разворачиваться с молниеносной быстротой. Завпроизводством, который держал в руках слабовольного старшего повара, решил, что и из Тани удастся сделать «своего человека». Вскоре девушка вновь стояла перед завом, в руках у которого был уже более объемистый конверт...

— Попусту ерепенитесь! — властно говорил он. — Все равно ведь теперь. Брали, факт. Какая разница, сколько? Наивная вы еще. В покрытие недостатчи? Ха-ха! Видали?! Вы что, в бухгалтерии в ведомости расписывались?..

Таня вышла, чувствуя, как что-то непомерно тяжелое легло на ее девичьи плечи. Как быть дальше? Что предпринять? Она перебирала десятки вариантов. Но стоило чуть серьезнее вдуматься в них, как у каждого оказывался изъян, делавший его практически непригодным. Потом все планы как-то улетучились, и стало совсем пусто на душе.

В угнетенном состоянии Таня добрела до дома. Ей показалось, что в ее комнате кто-то зажег свет. А вот и темный силуэт человека, сажающегося за стол с книгой в руках.

— Сергей! — замерло сердце у Тани, и она быстро взбежала по лестнице.

Но в комнате никого не оказалось. Очевидно, ей просто померещилось. Таня вдруг почувствовала, что должна именно сейчас поделиться всем с Сергеем. Завтра уже может быть поздно...

Сиплый голос на другом конце провода просил подождать, пока подойдет Сергей. Она старалась говорить спокойно, моментами это удавалось, по крайней мере, так ей казалось, но он, чуткий и внимательный, конечно, уловил нотки тревоги в ее голосе. Ждать его долго не пришлось.

Он прибежал, выслушал сбивчивый рассказ Тани, ни в чем не упрекнул ее, точно уже давно был подготовлен к такому откровенному излиянию.

...В комитете комсомола аэропорта Сергей застал одну только Леру Белоусову — секретаря.

— Ко мне? — спросила Лера.

— Да, но я не один. Тут, видишь ли, разговор довольно щекотливый...

— Ну, что же, заходите, — пригласила секретарь.

Сергей вышел и вернулся вдвоем с Таней. Внимательно выслушав ее рассказ, Белоусова сказала:

— Хорошо, что пришли в комитет. Но придется посоветоваться с Николаем Кузьмичем. Партбюро, конечно, поможет.

...Не сразу сдался Степаныч следователю, нет. Он разыгрывал вначале из себя человека, которого «подвели» молодые коллеги, вилял и клеветал, затем, озлобившись, старался впутать в свои грязные махинации совсем не причастных к ним лиц.

— Пусть будет так, — не выдержал следователь. — Скажите, а откуда у вас взялась «Волга», которую вы подарили своему зятю? Копили долгие годы, говорите? Допустим! А бриллиантовые ожерелья, а жемчуга? Ах, тоже сбережения! Вы, что же, не тратили ни копейки всю жизнь? Вы сами даже не предполагали, каким состоянием обладаете. Сколько получилось, когда сделали подсчет? Около миллиона?

Перед следователем, действительно, сидел миллионер, подпольный миллионер, разбогатевший на том, что обворовывал государство, советских людей.

Подробно знакомясь с делом, следователь обнаружил, что старшим поваром Владимиром Кочетковым, попавшим в лапы жулика, руководило не стремление

к наживе. Ему очень нравилась Таня, и Симаков, ловко играя на этом, сумел втянуть его в свои махинации, убедив, что это крепче свяжет его с Таней.

...Комсомольское собрание продолжалось уже третий час. Говоривших не прерывали, слушали внимательно, сосредоточенно, с нарастающей тревогой за судьбу товарищей. Все ждали, когда выступит Владимир Кочетков.

И вот взял слово Владимир.

— Друзья, — сдавленным голосом начал он, — думаю, вы поймете, как тяжело мне говорить. Я виноват перед всеми и перед тобой, Таня, особенно. Я глубоко виноват, но поверьте, не стремление к наживе толкнуло меня на это... Да, мне стыдно... Я получил большой урок. И если вы мне поверите, то я снова заслужу право смотреть прямо в глаза всем людям... Помогите порвать паутину, очиститься от нее...

И Владимиру поверило собрание, поверил коллектив.

СПУСТЯ ПЯТЬ ЛЕТ

Письмо заканчивалось так: «С момента убийства Неверовой прошло пять лет.

Неужели те, кто лишил ее жизни, так и останутся ненаказанными? Мы высказали вам некоторые дополнительные соображения и факты. Надеемся, что они

окажутся полезными... Верим, что преступники будут найдены и получат, наконец, по заслугам».

А пять лет тому назад произошло вот что...

Супруги Неверовы, уже пожилые люди, легли спать рано. Был душный вечер, и Федор Иванович предпочел расположиться на веранде. Мария Николаевна попросила мужа поставить на веранду посуду и, когда утром придет молочница Катя, взять 3 литра молока.

Как обычно, в 7 часов утра постучала в окно молочница, но никто не отозвался. Постучала еще раз. Опять молчание. Оглянувшись, заметила, что дверь веранды немного приоткрыта. Заглянула и ужаснулась: на кушетке лежал мужчина, связанный по рукам и ногам; во рту его был кляп, на глазах — тугая повязка из полотенца. Это был Неверов. Катя, преодолев испуг, отважилась

подойти поближе и помогла Федору Ивановичу освободиться.

— Что случилось? — спросила Катя у Неверова, но в ответ услышала только глухой стон. У Федора Ивановича словно язык отнялся.

— А Мария Николаевна где?

Он продолжал стонать, затем взглянул остекленевшими глазами на Катю и жестом показал на соседнюю комнату.

Войти? Что там? — колебалась Катя. А может, не медля, сообщить в милицию?

Она все же решила заглянуть в соседнюю комнату, но едва сделала шаг, как Неверов вдруг выпрямился и отчетливо произнес:

— Нельзя!

...Работников уголовного розыска ждали не долго. Потирая затекшие руки, Неверов рассказал, что ночью в квартиру проникли грабители. Они связали его, затем потребовали деньги. Связанного его привели в соседнюю комнату. Испугавшись, он указал на книжный шкаф, где в одной из книг лежали 11 тысяч рублей, полученные им за два дня до того в сберегательной кассе. Потом грабители снова отвели его на веранду, а сами вернулись в комнату.

Мария Николаевна, услышав шум, проснулась, крикнула, пыталась сопротивляться. Он слышал ее призывы, но помочь, увы, не мог.

Вскоре все стихло, а еще спустя некоторое время до слуха его донеслись шаги преступников, поспешно покидавших дом.

В комнатах царил беспорядок: где попало валялись вещи, телевизор был на полу, а возле него лежал труп Марии Николаевны.

Тщательный осмотр не давал ничего, что помогло бы раскрыть преступление. Но вот следователь что-то заметил. Пуговица, обыкновенная пуговица! Она привлекла внимание, тем более, что на ней обнаружили остатки ткани. Выяснилось, что ни на одной вещи из гардероба Неверовых таких пуговиц не было.

Итак, нет сомнения — пуговица оставлена преступниками. Это не так уж много, но все же...

Почтенная чета Неверовых прожила вместе 35 лет. Подошла старость, и Неверовы решили уехать от шумной городской суеты, поселиться в дачной местности, где можно развести сад, ухаживать за цветами.

Жили тихо, спокойно. Но вот однажды Мария Николаевна сделала необычайное открытие — в письменном столе мужа она обнаружила сберегательную книжку на предъявителя с вкладом в 30 тысяч рублей, о наличии которой и не подозревала. Хотела, было, спросить мужа, но потом раздумала, решила понаблюдать за ним. Дело в том, что она заметила перемену в Федоре Ивановиче — он стал молчаливым, раздражительным. Иногда случалось, что уезжал в город и не возвращался ночевать, чего раньше никогда не было.

Через некоторое время почтальон принес повестку. Ее вызывали в народный суд в качестве ответчицы по иску мужа о разводе.

— Развод! Что за чепуха! — воскликнула Мария Николаевна. — Вздор! Глупая шутка!

Однако это была правда. Действительно, Федор Иванович решил развестись.

— Видишь ли, — объяснил он, — я нашел друга, которого люблю. К тебе же никогда никаких чувств не питал.

— Да ты в своем ли уме, Федя! О чем ты говоришь! Ведь засмеют... На старости лет и... развод? — не унималась Мария Николаевна.

— Все это я серьезно, — спокойно ответил Неверов. — Ты, пожалуйста, не беспокойся — о тебе позабочусь, дом переведу на твое имя, деньги поделим пополам...

...Настал день суда. Мария Николаевна чувствовала себя страшно неловко перед судьями, перед всеми сидящими. Вдруг взгляд ее остановился на молодой женщине, сидевшей в зале. Ах, да это же Татьяна, племянница Федора Ивановича! Что она делает здесь, зачем пришла?

И тут выяснилось, что именно к ней уходит ее Федор...

Суд решил, что доводы Неверова не обоснованны и в разводе отказал. Но вернется ли муж? Он ушел из дому и жил с Татьяной в снятой где-то комнате.

Вмешательство общественных организаций вынудило Неверова вернуться домой. Прожил он с женой три месяца, а затем и разыгралась трагедия, о которой читателю уже известно.

* * *

Следствие велось в двух направлениях. В доме побывали посторонние лица, оставившие на месте преступления пуговицу от плаща. Следовательно, нужно найти владельца плаща. Одновременно разрабатывалась версия о причастности к убийству самого Неверова. Для этого были немалые основания. Вот одно из них. Неверов утверждал, что полученные им в сберкассе сторублевыми купюрами 11 тысяч были спрятаны в книге. Установлено, что достаточно суток, чтобы произошла заметная деформация книги от хранения такого количества денежных купюр. В книге же, где, по словам Неверова, лежали деньги, никакой деформации обнаружено не было.

Еще одно несоответствие было в показаниях Неверова. Он уверял, что слышал сильный треск, ему показалось, что упало что-то громоздкое. Действительно, телевизор находился на полу, но на нем не было никаких повреждений. В чем же дело? На этот вопрос Неверов ничего не мог ответить.

Отдельные, разрозненные улики, собранные следствием, не могли составить замкнутую логическую цепь. Время шло, убийцу не находили.

Неверов тем временем осуществил свою давнишнюю мечту — вступил в брак с Таней. Она поселилась у него в доме.

Не раз еще следственные органы снова и снова возвращались к делу об убийстве Неверовой, ломая себе голову над оставшейся нераскрытой загадкой.

Вновь назначенный прокурор города Вячеслав Михайлович Белов попытался сделать то, что не удавалось до сих пор его коллегам. Он проанализировал все обстоятельства дела и нашел много такого, что, по его мнению, подлежало дальнейшему изучению. Белов высказал свои мысли старшему следователю Федорову и подчеркнул те детали, которые нужно было перепроверить.

У Неверовой оказались связанными руки. Для чего это понадобилось? Судя по рассказу Неверова, грабителям не пришлось долго возиться со своей жертвой. А не связали ли Марию Николаевну уже после смерти, чтобы запутать следствие, направить его по ложному пути? Конечно, врачи-эксперты могли бы установить, когда были связаны руки — до или после смерти. Но такой вопрос раньше не возникал. Можно ли сейчас, спустя продолжительное время, дать на него безошибочный ответ? Во всяком случае, нужно попробовать.

В письме, упомянутом в начале рассказа, была одна незначительная на первый взгляд деталь. Там сообщалось, что нынешнюю жену Неверова, Таню, видели как-то в ресторане с подвыпившими молодыми людьми.

Одного из них называли — рабочий завода Ковалев.

Александр Ковалев явился по вызову следователя.

— Где вы потеряли ногу? — спросил Федоров.

— Попал под трамвай.

— С кем из рабочих завода дружите?

— Особой дружбы у меня ни с кем нет.

— Ну, а все же?

— Да был один дружок, но мы с ним не поладили.

— Вы, очевидно, имеете в виду Ивана Серкова?

— А вы откуда знаете?

Ковалев умолк, только нервно теребил в руках кепку.

— Рассказывайте дальше, — предложил Федоров.

— Что ж, могу. Серков любит выпить. Постепенно втянулся и я. Давно уже не встречался с ним, с тех пор, как однажды он меня избил...

— За что же?

— Мужской, знаете ли, спор.

— Говорите правду.

Снова молчание.

— Быть может, вы забыли, ведь прошло несколько лет?

— Да, точно не помню, — ухватился за мысль Ковалев.

— О каких деньгах вы напоминали в ссоре Серкову?

В глазах Ковалева — не то испуг, не то крайнее изумление. Чувствовалось, что в нем происходит внутренняя лихорадочная борьба.

— Будете говорить? — переспросил Федоров.

— Буду. Примерно лет пять назад Иван Серков пригласил меня в ресторан. С ним была девушка. Имени ее не помню. Выпили. На обратном пути Иван спросил: «Заработать хочешь? Есть одно дело...» Понять было не трудно — намечалось воровство. Но что-то тогда не получилось. Прошло около месяца, и вновь появился Серков в обществе той самой девушки. При мне они делили какую-то крупную сумму. Так вот во время ссоры я и напомнил Ивану об этом эпизоде...

* * *

Серкова нервничала. Причина была довольно основательная — вызывали в прокуратуру. На улице накрапывал мелкий дождь. Накинула плащ и направилась к следователю.

Федоров предложил свидетельнице стул.

— Муж? Он беспробудный пьяница. Дома вечно скандалы, драки. Достается и детям. Вдобавок появилась у него любовница...

— И когда она появилась, не припомните?

— Да примерно лет пять-шесть 'назад...

— Приходилось вам встречать ее?

— Нет...

— Бывало ли, что ваш муж отсутствовал ночью?

— Да, помнится как-то ночью пришел домой очень пьяный. Плащ был в бурых пятнах, видимо, дрался. Спросить — значит подвергнуться побоям. Я смолчала. Плащ привела в порядок.

— Плащ, говорите? — переспросил Федоров.

— Ну, вот этот самый...

— Этот самый? — машинально повторил следователь, внимательно присматриваясь к плащу. Разрешалась загадка многих лет...

И вот перед следователем сидит Серков, умело разыгрывая свою роль. Начинается поединок, в котором Серков имеет преимущества — он-то уж точно знает истину, заинтересован в том, чтобы скрыть ее от следователя, мобилизует весь запас изворотливости. Но и Федоров пришел не с пустыми руками.

— Жена, значит, оговорила вас из-за мести?

— Да, плащ с момента его покупки носила она...

У Серкова в избытке выдержки. Ни разу он не спросил, по какому делу его допрашивают.

Федоров решил пресечь игру. Он уже давно нащупал слабое место противника и решил, что наступил момент им воспользоваться.

— Давно вы виделись с Татьяной?

— Я не знаю такой.

— Да та, что поила вас с Ковалевым в ресторане.

— Ковалев? На пушку берете, не выйдет...

Очная ставка заставила Серкова изменить свою позицию. Наступило то самое время, когда дальнейшее заpiration бесполезно. Надо говорить, это единственный путь.

И Серков заговорил...

— Зачем вам понадобилось связывать женщине руки? Ведь она была уже мертва.

Это объяснил сам Неверов. Тихим елеиным голоском он поведал о том, как был осуществлен преступный замысел.

— Я уступил требованиям Татьяны и решил убрать с пути свою супругу. Татьяна пригласила Серкова, с которым была раньше знакома. Тот согласился за 10 тысяч рублей сделать все.

— Что значит все? — спросил Федоров.

— Убить и создать в квартире обстановку грабежа. Серков разбросал вещи, телевизор поставил на пол, будто его сбросили.

— А руки зачем связали? — снова спросил Федоров.

— Я решил, что это создаст впечатление грабежа.

Итак, письмо нескольких советских граждан и профессиональное чутье следователя помогли найти единственно правильное решение загадки, благодаря чему было раскрыто это преступление.

НИКОМУ НЕ УДАЛОСЬ УЙТИ

Человек сидел на стуле и молчал. Пальцы нервно постукивали по козырьку кепки.

Не каждый день приходят люди к следователю, чтобы признаться в собственном преступлении. А в том, что посетитель пришел с повинной, следователь не сомневался. Это было видно по тому, с какой отчаянной решимостью вошел он в кабинет, и по первому взгляду — изучающему, просящему, безнадежному, каким он посмотрел на следователя.

И вот это жуткое молчание. Молчание обреченного, отчаянное молчание преступника. словно хочется отсрочить теперь признание и побыть еще хоть немного честным около спокойного, внимательного человека в прокурорской форме.

А заговорил он неожиданно громким, срывающимся голосом, еще сильнее сжимая кепку, словно боялся, что кто-то ее отнимет.

— Я растратчик, товарищ следователь, 40 тысяч рублей украл у государства. Украл, и нет мне покоя с этими проклятыми деньгами. Нет суда страшнее, чем

тот, которым человек сам себя судит. На людей смотреть не могу, сон потерял. Снимите груз с души, товарищ следователь.

Через полтора часа следователь Григорьев знал уже все. Все, что хотел ему рассказать Иннокентий Петрович Азаров, главный бухгалтер строительного управления.

Во всем виновата дача. Ну, что плохого в том, что люди захотели иметь дачу? Ничего. И деньги тоже были. Немного, но были. Как раз бы хватило на скромный домик с парой грядок клубники, с яблонькой под окнами. Но вы попробуйте достать строительный материал. Даже он, старый строитель, месяцами стоял в очереди за шифером. А потом подвернулась партия шифера. Он же все деньги потратил уже на кирпич, на доски. Думал, скопим еще и на шифер. А тут такая возможность. Вот и взял. Потом еще. Он хочет отработать эти деньги. Он сумеет.

Человек сам признался в преступлении. Если он сделал это искренне, нужно помочь ему, вывести на прямую дорогу. Утром Григорьев поехал в строительное управление. Почему Азарова не разоблачили, как удалось ему осуществить хищение?

Первым, кого встретил Григорьев в маленькой комнате главного бухгалтера, был... ревизор. Да, ревизор из главка Павлюк. Он сидел за столом Азарова и заканчивал писать акт ревизии. Павлюк обнаружил ничем не оправданные расписки главного бухгалтера на 40 тысяч рублей.

— Явное хищение. Даже не верится. Я не первый раз ревизую управление. Просто глазам не верю.

— Знает Азаров о результатах ревизии?

— Как же он может знать, если я лишь вчера начал ревизию, а Азарова второй день нет на службе.

Следователь и ревизор вместе пошли к начальнику управления Ротову. Широкой улыбкой, как хорошего друга, встретил он ревизора и вот, услышав первую фразу, стоит сейчас посреди комнаты с нелепой, уже не нужной улыбкой, по-детски оттопырив нижнюю губу.

— Иннокентий Петрович? Вы знаете, только что по телефону я его поставил в пример. Вот, говорю, как надо... А ведь тут и моей вины немало! Не уследил... Судить его безжалостно надо в назидание другим!

А бдительности у нас не хватает, нет. Читаешь вот книги, газеты — где-то растрата. А у себя под носом не заметили. Горький урок!

...Григорьев любил ходить пешком. На шумных московских улицах он умел оставаться один. Именно во время таких прогулок все взвешивал, обдумывал дела, которые приходилось вести.

Ну, а здесь? Здесь все ясно. Растратил деньги и пришел с повинной. Был образцовым работником — верили. Ревизия никаких других нарушений не обнаружила. Можно передать дело в суд. Там учтут смягчающие вину обстоятельства...

И все.

Но Григорьева мучило сомнение. Он не мог отделаться от впечатления, что кто-то старательно подводит его к этому быстрому решению, кому-то это очень надо. Уж слишком близко лежит решение — протянул руку и бери...

В бухгалтерии удивились, когда после обеда к ним снова пришел следователь. Из шкафов вытащили толстые мрачные книги. И следователь превратился в бухгалтера. Сейчас от его знаний и терпения зависит, заговорят эти бумаги или останутся немymi.

Долгие часы работы не пропали даром. Бумаги не говорили еще полным голосом, но уже тихо произнесли первую фразу.

Четыре заявления лежат перед Григорьевым, четыре человека писали их в один и тот же день, четыре работника бухгалтерии. И начинались они удивительно однообразно:

«Прошу выдать мне пособие».

Причины были уважительные, и пособия выдали. Сгорел дом, женился сын, обокрали квартиру, а в семье бухгалтера Каца родилась двойня. Но сколько событий в один день?

Все четверо признались — ничего подобного не было. Кассир просчитался — в кассе не хватало 4 тысяч рублей. 4 тысячи кассир должен был вернуть из своего кармана. У кассира большая семья, у него не было таких денег.

— Мы решили помочь ему. Написали заявления и расписались в получении денег. Неправильно, конечно, сделали, но ведь иного выхода не было.

Старший кассир Князев повторял одну и ту же фразу:

— Первый раз, ведь первый раз, товарищ следователь...

И снова бумаги, бумаги. Случай с кассиром по существу никакого отношения к делу Азарова не имел. Неужели столько сил потрачено зря?

Бумаги, бумаги...

Григорьеву вспомнилась его юность. Он мечтал о профессии следователя, полной таинственности и романтики. Запутанные преступления — убийства, ограбления, и он, Григорьев, преследует злодеев...

Ну кто, начитавшись Конан-Дойля, не мечтал об этом?! И вот будничные, мирные бухгалтерские документы...

Снова и снова просматривал Григорьев кассовые расходные ордера. Вдруг ему бросилось в глаза, что управление почему-то часто выдавало конторам и участкам для выплаты заработной платы и командировочных наличные деньги. Это тем более странно, что каждая контора имеет свои средства, текущий и расчетный счета.

Главный бухгалтер второй конторы Рябушкин не отрицал, что приходилось брать наличные деньги в управлении. Да разве можно отрицать — документы.

— Конторе приходится выполнять работы вне города. Часто бывают нужны наличные деньги для выплаты командировочных, а они не всегда бывают. Вот и берем в управлении.

Рябушкин держался спокойно, с достоинством. Рассказывал не спеша, с такими подробностями, каких от него никто не требовал.

Но за этим спокойствием, неторопливостью разглядел Григорьев огромное внутреннее напряжение, собранность и страх.

Кассовые расходные ордера толстой стопкой лежали на столе.

— Но как же все-таки оформляли получение денег в управлении?

— Управление списывало деньги на нашу контору в счет взаимных расчетов, а мы приходовали их по кассе.

— Кто по положению мог получать деньги в управлении?

— Конечно, кассир.

— Во всех случаях?

— Да.

Григорьев взял верхний ордер. Он был на 10 тысяч рублей с подписью кассира конторы. Рябушкин вдруг заулыбался и полез в портфель.

— Я вот захватил здесь на всякий случай картотеку взаимных расчетов с управлением. По этому ордерочку деньги оприходованы. У нас только так и делается.

Рябушкина прорвало. Захлебываясь от восторга, он говорил о том, как приходятся деньги, еще о каких-то счетах. Улыбка больше не сходила с его лица, словно рассказывал он о любимой девушке. Было странно видеть такой восторг, и в то же время это было понятно. Просидеть в страшном напряжении, ждать каждую минуту чего-то, и вот... Оказывается, просто ордер с подписью кассира захотели проверить. Рябушкин не мог больше сдерживаться.

Григорьев не прерывал его. Почему он захватил с собой картотеку? Значит, кто-то предупредил, что изъяты кассовые ордера. Следовательно вдруг представил себе, как смеется над ним Рябушкин: не докопался, не докопался, куда тебе...

— А по этому ордеру, где получателем значитеесь вы, деньги оприходованы?

Рябушкин растерянно посмотрел на следователя, он думал — все, а самый главный вопрос задан только сейчас.

— Конечно, конечно, оприходованы. Вот сейчас я найду.

Он долго копался в картотеке, но ничего не нашел и, запинаясь, произнес:

— Надо по кассовой книге проверить.

Потом, слюнявя пальцы, долго листал страницы кассовой книги.

— Бросьте, Рябушкин, вы лучше меня знаете, что в книге ничего не найдете. Ни по этому ордеру, ни по другим.

* * *

Ревизор Павлюк вскрыл растрату на 40 тысяч рублей. И все. Ровно на эту сумму признался Азаров.

Почему ревизор не увидел остального? Ошибка или преступление?

...Появление на квартире Павлюка следователя Григорьева было неожиданным. Павлюк упорно разыгрывал оскорбленного. Он держался с дешевым актерским апломбом, утешая перепуганную жену. Обыск производили тщательно, однако ничего не нашли.

Жена Павлюка, всхлипывая и вытирая платком слезы, не забывала прижимать к себе модную сумку. Григорьев заметил это с самого начала, но только к концу обыска предложил показать содержимое сумки.

— Здесь только мои личные бумаги.

Письма, записки и еще три листка, исписанные с двух сторон. На одном — размашистым мужским почерком написаны телефоны, женские имена, на другом...

— Как попали к вам эти бумаги?

— Извините, это сугубо личное.

— Я попрошу вас сказать.

— Мой муж изменял мне... Это очень тяжело... Ждать каждый день, придет или нет. Однажды он пришел ночью, пьяный. Это было два года назад. Из кармана торчали бумаги. Я вытащила их. При первом же разговоре я разоблачила мужа. Он обещал, что никогда больше не повторится подобного, и, кажется, сдержал обещание. Но бумаги эти я не выкинула. Знаете, на всякий случай.

— Вы не знали, что здесь на другой стороне?

— Какие-то записи, цифры.

— Это черновик акта ревизии, гражданин Павлюк, — сказал следователь.

Григорьев без труда нашел в архиве управления акт ревизии двухгодичной давности. Он не совпадал с черновиком. В черновике были указаны серьезные нарушения, а в акте, который находился в архиве, ничего подобного не было.

Изобличенный Павлюк рассказал все. Азаров также вынужден был дать дополнительные показания. Были разоблачены и главные бухгалтера еще двух контор управления. Ну, а кто руководил этой бандой, кто брал львиную долю денег, кто укрывал преступников? Все следы вели к начальнику управления.

— Вы меня вызывали?

— Да, гражданин Ротов. Признаться, думал, что вы сами придете. Ведь дело зашло так далеко, что вам самое время по примеру Азарова явиться с повинной.

— И это вы говорите мне!

— Да, вам, кроме нас в комнате никого нет. Но так как вы не явились с повинной, ничего мне не рассказали и, судя по вашему тону, рассказывать пока не собираетесь, то говорить буду я. Сразу же после назначения вас начальником управления вы поехали в командировку и там «загуляли», растратили деньги. Но первая растрата прошла благополучно. Потом вы вызвали к себе Азарова. «Как тебе удалось списать эти две тысячи рублей?» — спросили вы. «Очень просто. Контора брала наличность, и я попросил их выписать ордер на 2 тысячи. Они это сделали».

Вы буркнули что-то вроде «спасибо» и отпустили своего главного бухгалтера. Сначала даже хотели уволить Азарова и Рябушкина, как людей, знающих о вашей растрате. Вот черновик приказа, которого вы так и не подписали. Вы, наверное, долго боролись сами с собой — я сужу по сроку. Только через три месяца снова вызвали Азарова. На этот раз вам нужна была значительно более крупная сумма. Откровенного разговора не получилось. Вы долго ходили вокруг да около, пока вам не пришла в голову мысль поужинать в ресторане с Азаровым и Рябушкиным. За рюмкой водки разговор пошел проще. Воровать решили осторожно, по возможности, не привлекая новых людей.

То, что вы брали в кассе, покрывалось фиктивными ордерами по конторам. Правда, однажды, когда нужно было срочно покрыть недостачу в 4 тысячи, вы устроили комедию с якобы обсчитавшимся кассиром. Сослуживцы поверили и написали заявления о выдаче пособий.

И вот первая ревизия. Несмотря на уверения Азарова, что ничего этот ревизор не найдет, вам было не по себе. А ревизор нашел. Вы испугались, просто не знали, что делать. Выручил Рябушкин. Оказывается, Павлюк ухаживал за его знакомой. Рябушкин сказал ей, что Павлюк «денежный парень», что на него нужно только «нажать». На первое посещение ресторана у Павлюка нашлись деньги, ну, а где брать еще? Однажды, когда акт ревизии был уже готов, вы пригласили ревизора к себе. Павлюк легко поддался шантажу, — его

пугало разоблачение перед женой, и ему нужны были деньги. Теперь у вас был «свой» ревизор и вы окончательно обнаглели. Но перед последней ревизией Павлюк пришел к вам. Он был поражен масштабами хищений. Он боялся разоблачения. К тому же Павлюк случайно узнал, что в управление должен прибыть ревизор из министерства. И вот на совещании, в узком кругу, вы решили, что нужно пожертвовать Азаровым.

Вы устроили ему бурную сцену в кабинете. Топали ногами и кричали, что все сядут из-за него в тюрьму. Азаров испугался. «Нужно перейти в наступление самим, — сказали вы. — Сейчас модно признаваться в преступлениях, прощать, брать на поруки. Пойди и признайся в сорока тысячах. Срок получишь небольшой. Все деньги, которые есть, спрячь. Сунем им сорок тысяч, и они успокоятся. Акт ревизии подтвердит хищение, новой ревизии не будет. А тебе и твоей семье поможем».

Азаров согласился, когда понял безнадежность своего положения. Но такой блестящий, с вашей точки зрения, маневр пропал зря... Да, кстати, вы обещали Азарову, что организуете мнение общественности, что его возьмут на поруки. Зря обещали. Таких у нас судят беспощадно!

БЕЗ ДВАДЦАТИ ДВЕНАДЦАТЬ

Тулко отбивают время старинные часы. Щелкнул английский замок, и в комнате очутились двое. Ручной электрический фонарик помогает ориентироваться в темноте. Ага, письменный стол. Кажется, у цели. Содержимое ящиков, бумажки, папки, вырезки из газет — все летит в сторону.

Нет, не то им нужно. Еще бумажки, еще какие-то папки...

Внезапный шорох, чьи-то шаги. Двое насторожились, прижались в углу...

Ничего не подозревая, в комнату вошел третий. Сейчас он зажжет свет. Этого допустить нельзя. И двое набрасываются на вошедшего. Через мгновение все стихает...

* * *

Семья профессора Ильи Тимофеевича Колпакова волновалась. Осталось двадцать минут до Нового года, а не все еще гости собрались. Почему-то опаздывает всегда такой аккуратный Павел Никитич Мальков — старый сослуживец Колпакова, постоянный гость за

праздничным столом. Он так и не пришел, и Колпаковы не на шутку забеспокоились. Илья Тимофеевич решил сам выяснить причину.

Звонок. За дверью тишина. Илья Тимофеевич решил зайти через пару часов. Опять звонок, и опять безрезультатно. То же безмолвие.

Когда позже взломали дверь, глазам представилась страшная картина: у самого входа в кабинет лежал изуродованный труп Малькова.

...В новогоднюю ночь люди чаще обычного смотрят на часы. Тете Паше, вахтеру Политехнического института, не стоило большого труда назвать время.

Да, без двадцати двенадцать по лестнице пробежали вниз Виктор Мищенко и Игорь Тюрин. На них и пало подозрение в убийстве. Но они ли его совершили?

...Итак, преступников было двое. На густо навоощенном полу около письменного стола явные следы — отпечатки галош. Это уже значительная улика. На руках у профессора были часы. Они остановились ровно в половине двенадцатого. Стекло разбилось, осколки затормозили стрелки. Их вынули — и часы пошли.

На верхнем этаже Политехнического института — студенческое общежитие. Уже построено новое здание, но в старом еще живут 36 человек. Может быть, среди них надо искать преступников? Ведь и Мищенко, и Тюрин — из числа тех, кто жил тут. 24 человека оказались вне подозрений. Это те, кто встречал Новый год тут же, в общежитии. Каждого из них видели в кругу друзей, и никто никуда не отлучался. Двенадцати не было в эту ночь дома. Десять из них ушли задолго до одиннадцатого, а двое вышли из дома без двадцати двенадцать.

Где были Игорь и Виктор в половине двенадцатого? В старом общежитии ломают стенки между комнатами — делают новые аудитории. Занято только девять комнат да еще квартира коменданта и помещение, где живут вахтеры. Ни в одну из перечисленных комнат Мищенко и Тюрин не заходили. А к профессору Малькову? Его квартира тоже здесь. Над этим следует задуматься.

В институте один вход. Дверь была заперта. Никто не выходил, никто не входил. Только Мищен-

ко и Тюрин. Как ни вертись — все концы ведут именно к ним.

Первым допрашивали Тюрина.

— Где вы встречали Новый год?

— В новом общежитии.

— Туда вы пришли около двенадцати. А когда ушли из своей комнаты?

— Часов в одиннадцать.

— В одиннадцать вы ушли из комнаты, а из здания вышли без двадцати двенадцать. Где были это время?

— Успокаивал Витьку. Это сугубо личное, к делу не относится. И вообще, почему, собственно, такой допрос с пристрастием?

Что это? Умение владеть собой? Или предположение о том, что преступление совершено этими двоими, основано на зыбкой почве?

Мищенко вел себя иначе. Казалось, он плохо слышит, каждый раз переспрашивал, отвечал коротко, несвязно. Трудно допрашивать человека, находящегося в таком состоянии. Но нужно было проявить максимум выдержки и терпения, встряхнуть как-то сидящего напротив парня, поставить вопрос в лоб и добиться определенного ответа.

— Ночью, как вам известно, убит профессор Мальков. Как раз в половине двенадцатого. Где вы были в это время? Кто вас видел? На вас, не скрою, падает подозрение...

Парень сник. Затем начал свой рассказ, на первый взгляд имевший весьма отдаленное отношение к делу.

— Тут все знают, что мы с Таней Коршуновой... Ну, дружим с первого курса... Всегда были вместе. Потом... Знаете, как-то чувствуешь, когда близкий тебе человек начинает отдаляться, и нельзя уже по-старому, просто так, подойти к нему.

Посторонним такие вещи не всегда бросаются в глаза. Так вот на встречу Нового года меня пригласили вместе с Таней. Она не хотела идти, но мы с Игорем настояли на своем и должны были за ней зайти.

Коридоры у нас похожи на лабиринты, вы сами видели. В закулке, где живет Таня, занята только ее ком-

ната. Поэтому я был немало поражен, когда в конце коридора увидел незнакомого парня. Сомнений не было: он пришел к Тане. Как быть? Решил посоветоваться с Игорем. Он посмеялся, но еще издали спросил у парня: «Ты Коршунову ждешь?» Тот кивнул головой. Меня охватила ревность. Еще секунда — и я бросился бы на незнакомца. Но Игорь удержал меня за руку.

Потом вышли на лестницу и поговорили с парнем. Он развязно объяснил, что ему все равно — Таня или другая, лишь бы было с кем провести новогодний вечер, потанцевать. На душе стало мерзко, но я подавил в себе все. В конце концов решил уйти, что поделаешь! Однако у меня был, наверное, очень жалкий вид, потому что Игорь все старался уговорить меня, сгладить впечатление от неожиданной встречи.

Слова Виктора звучали правдоподобно и ставили следователя втупик. Третье лицо? Новый поворот дела!

Кто же этот третий? Ответить на вопрос скорее всего, по-видимому, могла Коршунова.

Таня, однако, решительно все отвергла. Она заявила, что никого к себе не приглашала, никто ее не мог ждать, кроме Игоря и Виктора. Девушки из комнаты Тани подтвердили, что в этот вечер Таня ждала Виктора, который обещал за ней зайти, но так и не дождалась.

История запутывалась.

Виктора спросили:

— Узнаете ли вы человека, которого встретили тогда в коридоре?

— Ну, конечно, — ответил он и добавил: — Уж во всяком случае физиономию его надолго запомнил.

Нужно было искать третьего. Каким путем, что предпринять дальше?

...Цель убийства, несомненно, одна — ограбление. Мальков был старый одинокий профессор, человек больших знаний. В институте его любили. Дружеские отношения поддерживал с преподавателем физики Лившицем и профессором Колпаковым.

Колпаков рассказал, что в прошлом году по трехпроцентному займу Павел Никитич выиграл 10 тысяч рублей. Номера облигаций он имел обыкновение записывать в общую тетрадь в коричневой обложке.

Тем не менее при тщательном обыске в квартире убитого ни облигаций, ни тетради с номерами не обнаружили.

Может быть, убийцы знали о существовании тетради и выкрали ее вместе с облигациями, чтобы можно было безопасно их продать? Возможно. Какие еще ценности были у профессора — никому неизвестно. Тетрадь — это та ниточка, которая могла бы распутать клубок.

В папке лежало заключение криминалистической экспертизы о том, что галоши принадлежали двум разным лицам с одинаковым размером обуви — сорок первым, т. е. таким размером, как и у Игоря, и у Виктора. Но мало ли людей носят сорок первый номер ботинок?

По описаниям Виктора и Игоря удалось составить что-то вроде портрета незнакомца. Но никто его не узнавал.

Время шло, убийца не был обнаружен, следы терялись. Следователь внутренне был убежден, что юноши к преступлению не причастны. Очень уж хорошо отзывались о них преподаватели, студенты. Все в один голос утверждали: не может быть, чтобы Виктор и Игорь были замешаны в убийстве.

Тюрин и Мищенко, естественно, тяжело переживали то, что их подозревают в ужасном преступлении. Они не знали, что следователь на их стороне, так как говорить об этом сейчас — значило обречь намеченный план действий на провал. Целесообразнее было внешне показать, что разрабатывается версия об участии Мищенко и Тюрина в убийстве. Это дезорганизовало бы тех, кто на самом деле совершил преступление.

Прежде всего надо было установить номера облигаций профессора Малькова. В ближайшей к институту сберегательной кассе сообщили весьма важные данные. Во-первых, оказалось, что служащие хорошо помнили Малькова, знали его в лицо. Во-вторых, одна из девушек как-то раз проверяла облигации профессора.

— По рассеянности он оставил список с номерами, — сказала девушка. — Вот возьмите, — и она протянула тетрадку в коричневой обложке.

Осталось ждать, пока преступники начнут реализовывать облигации, если они уже это не сделали.

Пришли первые сообщения: облигации с интересующими следствии номерами ни в одну сберкассу не поступали. Значит, они пока находятся у преступников.

6 января следователю пришлось вылететь в Кисловодск. Там в одной из сберкасс была предъявлена к оплате облигация профессора Малькова.

Владельцем ее оказался официант ресторана Емельянов.

— Четвертого января, — рассказал он, — большая компания обедала в ресторане. Когда стали расплачиваться, денег у них не хватило, и один из них, шофер из санатория «Маяк», рассчитался облигацией трехпроцентного займа. На другой день я сдал ее в сберкассу.

Еще он подчеркнул, что вся компания, за исключением этого шофера, была ему не знакома.

Шофера Нилова застали в санатории. Пристроившись поудобнее, он дремал в своей машине.

Видать, не впервые приходилось ему давать показания следователю. Он не спешил, подолгу останавливаясь на подробностях.

— Да, подвез одного пассажира по пути в Минеральные Воды. Наличных у него не было. «Хочешь, браток, — говорит, — облигацию дам?» Я ответил: «На кой она мне?» Тогда пассажир сказал: «Дурень, это же золотой займ. Любая сберкасса без всякого примет». Ну, тут я не стал спорить.

— Как он выглядел? — продолжал шофер. — Молодой человек в добротном темно-синем костюме. Лицо бледноватое, а волосы — черные. Заметил родинку на левой руке. Нос у него чудной, посмотришь в профиль — как картошка.

Следователь чуть не подскочил. Ведь такой же нос был у того, кого встретили Мищенко и Тюрин под Новый год.

— Вы его больше не видели?

— Нет, не приходилось.

Теперь в дополнение к номерам облигаций имелось довольно сходное описание внешности преступника.

Пришло новое сообщение, что сдали уже не одну, а 25 облигаций с номерами профессора.

В сберкассе г. Дербента пришла женщина. Она просила принять облигации на сумму 5 тысяч рублей. Все номера принадлежали профессору Малькову.

— К нам в аул приехал один гражданин, он остановился у меня. Я поехала в город на базар, и он попросил продать его облигации.

Вечером жилец уже сидел перед следователем в кабинете районной прокуратуры.

— Моя фамилия? Мазуров Семен Игнатьевич. Мне 30 лет. Два месяца, как освобожден из заключения.

— Откуда у вас облигации трехпроцентного займа?

— Один друг подкинул, на бедность. Я, знаете, после колонии никак не устроюсь на работу. Места подходящего не найду.

— Щедрый у вас друг!

— Не жалуясь.

— Где остальные облигации?

— Все, что было, у вас в руках.

Фототелеграф передал в Москву изображение Мазурова, а через несколько часов Игорь орал в трубку:

— Да, да, это тот самый, который был в коридоре и говорил, что пришел к Тане.

Вернувшись в кабинет, следователь продолжал допрашивать Мазурова.

— Послушайте, когда ваш друг подарил вам облигации?

— В этом году.

— Кто он?

— Ну, это уж чересчур. Не выйдет. «Закладывать» никого не собираюсь. Ясно?

Мазуров вел себя нагло, вызывающе. Опытный преступник, он решил предвосхитить события и сам первый упомянул о Новом годе.

— Я встречал Новый год в Кисловодске, у одной особы, а через несколько дней приехал друг и дал мне облигации.

Мазуров замолчал. Теперь он ждал, чтобы заговорил следователь.

— Так, рассказывайте дальше.

— Все, мне нечего больше говорить.

— Нет, не все. Вы не учли одну мелочь. Об особе из Кисловодска мы уже знаем, ее допросили. Фомичева выдала нам 10 облигаций на 2000 рублей, которые

вы ей дали, чтобы она в случае необходимости подтвердила ваше пребывание под Новый год в Кисловодске.

Мазуров изменился в лице. Такого поворота дела он не ждал.

Осталось провести одну-две очные ставки, и Мазуров будет окончательно приперт к стене. Но было ясно: своего сообщника он не выдаст. А преступников было двое. Второй, несомненно, работник института, знавший о деньгах и облигациях профессора. Кроме того, один Мазуров не сумел бы так ловко спрятаться в институте после убийства и выйти никем не замеченным.

В Кисловодск до востребования пришло письмо на имя Мазурова. Штамп отправителя — Москва. Автор письма интересовался, как идет продажа видовых фотографий на курорте и почему нет заказов и переводов. Это, бесспорно, писал сообщник.

На другой день следователь пришел в институт и долго рылся в личных делах. Ему помогал эксперт. Установили: письмо писал комендант общежития Гаврилов. Он активно помогал в начале следствия и ничуть не удивился, когда его снова вызвали к следователю. Но первый же вопрос сразил Гаврилова:

— Вы вместе душили Малькова или Мазуров один? Это очень важно, отвечайте.

И вот, что рассказал Гаврилов:

— 29 декабря меня остановил на улице Мазуров: Мы с ним старые друзья. Еще с того времени, когда я носил фамилию Поварков и трижды привлекался за квартирные кражи. Последний раз ушел из-под стражи и жил под фамилией Гаврилов. Наводку Мазурову дал я. Кто душил? Он, Мазуров, у меня были другие намерения. Я хотел только оглушить и уйти. Все равно куда, лишь бы подальше. Два года ждал, что меня поймают, два года страха, а тут новое...

* * *

Следователь сидел с Мищенко и Тюриным в их комнате.

— По-моему, во многих случаях судьбы людей должен решать коллектив, — говорил Игорь. — Люди тру-

дятся, учатся и живут рядом с тобой. Они порой знают тебя лучше, чем ты сам. Им и нужно верить.

— Вот мы и поверили коллективу, — сказал следователь.

Не хотелось уходить из уютной комнаты общежития, от людей, так много переживших за эти дни. Но он и так засиделся.

— Приходите к нам, просто так, в гости, — просили Игорь и Виктор.

Следователь знал, что обязательно еще зайдет к этим славным ребятам.

БОЧКА СЕЛЕДОК

Санитарная машина с красным крестом мчалась по улице. Она свернула в переулок и въехала во двор. Санитар в белом халате с помощью шофера выгрузил из машины... бочку селедок и подкатил ее к задним дверям магазина. Затем они снова сели в кабину, и шофер дал газ.

— Странно! — сказала одна из сидевших во дворе женщин.

— А я подумала — несчастный случай! — заметила другая.

Но совсем по-иному расценили это происшествие оперативные работники милиции. Они неотступно следовали на «Победе» за санитарной машиной. Еще поворот — и обе машины почти одновременно въехали во двор терапевтической клиники.

— Видимо, операция закончена, — сказал сотрудник милиции, подойдя к санитарной машине. Он предложил «санитару» пересечь в «Победу».

Задержанный оказался кладовщиком клиники Иванюком.

— Зачем вы привезли эту бочку селедок? Ведь вы, как кладовщик, обязаны получать на базе продукты для больных. Причем же здесь продовольственный магазин?

— Это чистая случайность, — угодливо ответил Иванюк. — Я сейчас вам все расскажу. Всю правду. База продторга № 1, где я получаю продукты, снабжает больницы, клиники, санатории, дома отдыха и детские учреждения. Нынче утром заведующий секцией этой базы товарищ Волошин... м-м... попросил меня оказать ему небольшую дружескую услугу... Нужно было взять бочку селедок и доставить ее в магазин. Он сказал, что бочка эта после инвентаризации оказалась лишней. Вот и все... Никаких корыстных целей у меня лично не было.

— Что ж, проверим, — сказал следователь.

...Комната, в которой жил Иванюк, поражала убожеством обстановки. Куски обоев свисали со стен; на железной больничной койке лежало одеяло, сшитое из цветных лоскутков; в покосившемся шкафу была сорвана дверца; вместо стульев — две самодельные скамейки. В комнате было полутемно — маленькая лампочка почти совсем не давала света.

— Бедность, — заметил один из понятых.

В шкафу валялись старая одежда, обрывки газет, потрепанные книги. На шкафу лежал большой обитый железными полосами самодельный чемодан.

— А здесь что?

— Белье грязное, вот что, — огрызнулась жена Иванюка на производивших обыск сотрудников. — Хватит вам пылить...

Чемодан все-таки открыли. Он оказался доверху набитым разными тряпками, грязным бельем, рваными носками. Но один из следователей обратил внимание, что внутренний объем чемодана как будто не соответствует его размерам. Нет ли двойного дна?..

— Деньги?! — удивленно воскликнул управдом.

Начали считать. 10 тысяч, 100, 200, 300...

Когда был закончен обыск, на покрытом газетой колченогом столе лежали найденные в чемодане 800 тысяч рублей.

— Вот вам и бедность, товарищ понятый, — сказал следователь.

* * *

Бочку селедок доставили экспертам. Они установили, что на ней перед шестизначными цифрами аккуратно срезаны две буквы: по одной из них можно узнать, какой рыбокомбинат выпустил сельди, по второй — серию. Товароведы определили, что сельди этого сорта вырабатываются тремя рыбокомбинатами, расположенными в районе Каспия.

Дело, таким образом, еще больше осложнялось. Без серии очень трудно проследить движение бочки селедок.

...Следователь Баранова пригласила на допрос заведующего секцией продбазы Волошина. Она понимала, что имеющиеся улики недостаточны для серьезного разговора, однако хотела познакомиться с Волошиным поближе, изучить его. Ведь бочка селедок — это был только крючок, на который предстояло выловить всю рыбку.

— Какие взаимоотношения у вас с Иванюком?

— Самые обычные, как со всеми клиентами, получающими у нас товар, — очень спокойно ответил Волошин.

— Был ли такой случай, когда после инвентаризации у вас оказалась в излишке бочка селедок?

— Нет, такого случая не было. Можете ознакомиться с актами ревизии и убедиться, что на базе не было излишков и недостач.

— А как же эта бочка попала к Иванюку?

— Этого я сказать не могу. Во всяком случае, я лично не имею к ней никакого отношения.

— Однако Иванюк утверждает, что бочку селедок он получил от вас.

— Значит, Иванюк врет...

* * *

Утром Барановой позвонил старший ревизор, проводивший ревизию в городской больнице.

— Должен сообщить вам, — сказал он, — что сегодня исчезли все папки с калькуляциями и меню по больничной кухне. Вчера мы работали с этими документами, положили их в шкаф, а сегодня утром они как в воду канули.

Без документов невозможно было определить, какие продукты фактически израсходованы на питание больных.

А на результаты этой работы Баранова возлагала большие надежды. Именно такая проверка могла установить хищение продовольствия.

Калькулятор — пожилая женщина, поработавшая много лет в больнице, была несколько удивлена, когда увидела у себя дома следователя.

— Прошу извинения, что нарушила ваш покой, — сказала Баранова. — Мне хотелось бы знать, кому вы сдавали меню и калькуляции?

— В бухгалтерию. Они прикладывались к отчетам завпроизводством.

— Вы записывали те продукты, которые фактически закладывались в котел, или же принимали все со слов завпроизводством?

— Я не всегда бывала на кухне. Завпроизводством давала мне раскладку, и по ней составлялись все документы. Там указывалась норма, которая затем умножалась на количество больных.

— Надо полагать, что записи вы вели правильно?

— Неужели у вас есть какие-то сомнения?! — Колоскова даже заплакала.

— А черновики калькуляций, меню и раскладок вы сохраняете?

— Нет, уничтожаю.

...Колоскова никак не могла понять, зачем она понадобилась следователю. Ее в чем-то подозревают? А вообще, что произошло у них в больнице? Почему так тщательно ревизуют бухгалтерские документы? Что-то, видимо, случилось.

Всю ночь Колоскова не сомкнула глаз. Сознание того, что она обманула следователя, не давало ей покоя. На самом-то деле все черновики у нее сохранились. Даже есть раскладки, написанные рукой завпроизводством за каждый день. Этих бумаг накопилось больше, чем за пять лет. Надо их немедленно отвезти следователю и извиниться.

Рано утром Колоскова пошла к заместителю главного бухгалтера больницы Ольге Ивановне Панковой и рассказала ей все.

— Да, ты поступила нехорошо, но выход есть. Утром я поеду к Барановой, она вызывает меня на допрос, и, кстати, отдам ей твои документы, извинюсь за тебя.

— Вот спасибо, что выручила...

А на следующий день Баранова позвонила Колосковой и попросила заехать в прокуратуру после работы. В коридоре за столом сидела Ольга Ивановна и что-то писала. Она даже не заметила Колоскову.

— Извините меня, товарищ Баранова, не подумайте, что я хотела вас обмануть, но слово «уничтожила» как-то само собой вырвалось у меня. Знаете, всю ночь не спала, переживала. Спасибо Ольге Ивановне, выручила...

— Чем же она вас выручила?

— Отвезла вам мои черновики.

— Какие черновики?

— Те самые, которыми вы интересовались.

Баранова поняла, какую непоправимую ошибку совершила. Будь она понастойчивей, расположи к себе до конца Колоскову — в тот же вечер смогла бы получить столь нужные ей документы. А теперь все пропало, исчезли последние улики.

Ольга Ивановна изворачивалась, как могла, и беззастенчиво лгала Колосковой прямо в глаза:

— Вы что-то спутали, голубушка, мне вы ничего не давали...

* * *

Удобно устроившись в мягком кресле самолета, Александра Григорьевна Баранова смотрела в окно. Но мысли ее все время возвращались к злополучной бочке селедок... Дело очень серьезное. Из людей, имеющих отношение к бочке, один только Иванюк владел 800 000 рублями. Он утверждает, что бочку просил отвезти Волошин. Волошин все отрицает. И действительно, в документах Волошина эта бочка не значится. Калькуляции потеряны, точнее их уничтожила Панкова. Единственно, что известно, это номер бочки, правда без серии. Но номер есть. Значит, вся надежда на комбинат...

В кабинете директора Каспийского рыбокомбината Егорова собрались специалисты. На столе лежала крышка бочки, которую привезла с собой Баранова. По крышке определили, что сельди отправлены именно с этого комбината. Кроме того, стало ясно, что бондарный цех комбината изготовлял такие бочки только

в первом квартале текущего года. За это время комбинат выпустил десять серий с одинаковыми номерами.

Шаг за шагом, рассматривая вместе со специалистами все накладные, Баранова методом исключения установила, что одна из серий значитса отправленной на центральную базу, откуда обычно получал товар Волошин.

Когда Баранова уже собиралаеь уезжать, к ней подошел товаровед Осетров.

— Какой номер бочки вы ищете? — спросил он.

— Почему вас это интересует? — ответила вопросом на вопрос Баранова.

— Могу сообщить вам любопытный факт. Дело в том, что вчера звонили из вашего города и тоже интересовались одним номером.

— Каким именно? — быстро спросила Баранова.

— Номером 175708.

Баранова насторожилась. Это был тот самый номер.

— А кто звонил?

— Старший товаровед центральной базы Лебедев. Он довольно часто приезжает на наш комбинат.

— Значит, звонил вчера...

На почте следователь изъяла ярлык междугородного переговорного пункта. Там значились абонент Лебедев и номер телефона 2-16-18.

...Приходные документы центральной базы были получены сразу же, как только Баранова вернулась из командировки. Итак, бочка № 175708 была отпущена горпищеторгу. Но при проверке оказалось, что в горпищеторге номер бочки не значитса. Тогда Баранова решила проверить все организации, получающие продукты с центральной базы. Но и на этот раз оказалось, что ни у кого такого номера нет. Не было его и в приходных документах базы № 1 продторга. Куда же делась бочка, как она была оформлена?

Вооружившись лупой, Баранова и эксперт-криминалист рассматривали документ за документом. И не напрасно. В одной из накладных центральной базы они обнаружили следы подделки. После кропотливого труда первоначальный текст был восстановлен. В накладной указывался номер бочки — 175708. Эта бочка была отпущена Волошину.

Такие же подлоги были обнаружены в накладных, приобретенных к отчету Волошина.

* * *

Лебедев никак не ожидал, что события будут развиваться с такой молниеносной быстротой. В кабинет следователя он вошел с видом человека, совершенно уверенного в своей правоте. Держался он спокойно, самоуверенно. Но после первых же вопросов следователя от самоуверенности его не осталось и следа.

— Вам часто приходится звонить на рыбокомбинаты?

— Да, часто.

— Как вы это делаете?

— Даю заявку секретарю начальника центральной базы, а тот заказывает по телефону нужный город.

— А какой номер вашего домашнего телефона?

— 2-16-18.

— Вам приходилось разговаривать по домашнему телефону с Каспийским рыбокомбинатом?

— Не помню, — ответил Лебедев.

— Нельзя ли поточнее?

Лебедев молчал, не зная, что ответить.

— Вот ярлык междугородной телефонной станции. Вы разговаривали по домашнему телефону с рыбокомбинатом. Это было 17 числа в 11 часов 27 минут. Разговор длился 18 минут. Скажите, пожалуйста, с кем и о чем вы разговаривали?

— Не помню, — Лебедев побледнел и опустил голову.

— Я жду вашего ответа.

— Меня просил об этом Волошин.

— С какой целью?

— Да вы, очевидно, уже знаете, товарищ следователь.

— Я хочу, чтобы вы рассказали.

— Волошин куда-то сплавил бочку селедок, и тот, кто вывозил ее, попался. Надо было замести следы. Я звонил, чтобы узнать, по какой фактуре нам отгрузили селедки с этим номером бочки. Затем я и Волошин исправили накладные.

Ревизия городской больницы закончилась. Было установлено, что хищение совершено на крупную сумму.

Главный бухгалтер больницы Строганов долго и внимательно читал акт ревизии, делал какие-то сопоставления, пометки и, наконец, заявил:

— Я требую предъявить калькуляции и меню, на основании которых ревизоры пришли к выводу о хищении.

— В свое время вам будут предъявлены все документы, не только ревизионные, но и следственные.

— Но я требую калькуляции сейчас же.

— Пожалуйста, — сказала Баранова, — если вы уж так настаиваете, вот вам калькуляции. На них, кстати, имеется и ваша подпись, обратите на это внимание, Строганов.

Строганов оторопел. Он никак не ожидал увидеть эти документы в руках следователя. Ведь сговорился же с Панковой, что она их уничтожит. Как же так?

...Истопник дядя Коля сидел у себя в котельной и пил чай. Он любил эти ночные часы, когда оставался один в котельной. Делать нечего, надо только изредка проверять давление и уровень воды в котлах.

«Странные вещи все-таки происходят», — думал дядя Коля. Сегодня вечером к нему пришла заместитель главного бухгалтера Ольга Ивановна Панкова. Часов 7 уже было. Дала большую пачку бумаг и велела сжечь. Да нет, не велела, а просила. Странно... Вообще-то такие случаи бывали. Но его всякий раз вызывали в бухгалтерию и вручали мешок со старыми документами. «На, мол, уничтожь». И все. А нынче... Сама принесла, предупредила, чтобы никому не говорил... А уже совсем недавно (дядя Коля посмотрел на ходики, они показывали 12 часов ночи) Ольга Ивановна пришла снова и притащила еще сверток. «Сжег те бумаги?» — спросила она. «Угу», — буркнул дядя Коля. «На вот еще, — сказала Панкова, — тоже сожжешь, а завтра выпей. Вот тебе...» — и дала 25 рублей. Дядя Коля сам не мог понять, почему он сказал, что сжег бумаги, хотя все они целиком лежали у него под койкой.

«Значит так, — решил дядя Коля, — и эти жечь не буду, а завтра...»

Он принял решение, допил чай, проверил котлы и довольный собой прилег на койку...

— Вы, очевидно, несколько обескуражены, Строганов? Не ожидали увидеть эти документы у нас? Думаете, что вас подвела Панкова. Могу вас успокоить, она все сделала по вашему заказу. Но честные советские люди сумели предотвратить уничтожение изобличающих вас документов и передали их в надежные руки. А теперь я вас слушаю.

Строганов говорил, стараясь не смотреть в глаза следователю. Он выталкивал из себя слова. Чувствовалось, что каждое из них стоит ему огромных усилий.

...Однажды Волошин приехал проверять взаимные расчеты. Они разговорились. И как-то само собой получилось — Строганов рассказал ему, что влюбился в молоденькую девушку, что обострились отношения дома, что не хватает зарплаты. Волошин предложил Строганову свою «помощь». Оказывается, некоторые больницы забирали с базы не все, что им выписано по накладным, часть продуктов оставляли. А то, что оставалось, он, Волошин, реализовывал через торговую сеть. Деньги делили пополам. И Строганов принял «помощь» Волошина.

— Как вы это оформляли?

— За продуктами ездила кладовщица больницы. Я ей говорил, что взять и что оставить. Она, конечно, догадывалась. Но я ей давал по 200 рублей в месяц.

— А на кухне?

— На кухне мы списывали все по норме, а не по фактической закладке. Завпроизводством — со мной заодно.

— Кто вывозил похищенные продукты из базы для реализации в магазины?

— Иванюк.

— Кто рассчитывался?

— Расчеты вел Волошин, а деньги развозил Иванюк.

— Значит, вы сознательно обворовывали больных!

* * *

В зале судебного заседания собралось много народа. Первым допрашивали Волошина.

— Как вам удавалось маскировать воровство, ведь

у вас были ревизии, инвентаризации? — спросил прокурор.

— Мы все предусмотрели. Старались к инвентаризации не оставлять ничего «лишнего».

— Ну, а в магазинах, которые сбывали краденое? — поинтересовался председательствующий.

— Когда завозили неучтенный товар, то, чтобы не было излишков, стоимость его сразу же изымалась из кассы. Для этого использовали выручку за товары, которые продавали, минуя кассы. Да и ассортимент подгоняли, чтобы он был такой, как по официальным документам.

— Кому принадлежат 800 тысяч рублей, обнаруженные у Иванюка?

— Мы должны были поделить их между собой.

— Почему же не сделали этого?

— Собирались, но бочка селедок помешала...

Рабочее время истекло. В большое окно заглянули последние лучи заходящего солнца. Яркие блики, словно кем-то пущенные зайчики, играли на начищенных медных ручках двери, на массивном письменном приборе, которому

давно пора было уступить место пластмассовому собрату.

Прием посетителей закончился, и прокурор, облегченно вздохнув, стал собирать со стола записи, мысленно подводя итог напряженному дню, размышляя над судьбами многих людей, побывавших в этом просторном, не совсем приветливом кабинете.

— К вам, Иван Исидорович, просится еще одна посетительница, — доложила вошедшая секретарша.

— Поздно, пусть придет завтра, — не поднимая глаз, произнес прокурор.

— Но она настаивает на приеме, утверждает, что у нее неотложное дело, от которого зависит жизнь маленьких детей.

— Жизнь детей? — повторил вслед за секретаршей усталый человек. И тотчас же добавил: — Просите.

Вошла женщина — взлохмаченная, в помятом грязном платье, в обвисших чулках.

— Слушаю вас, — сказал человек за столом.

Женщина молчала, только сделала нерешительный шаг вперед.

— Садитесь, по какому вы делу? — спросил прокурор.

Посетительница приблизилась к столу, уселась в кресло, потянулась за платком.

— Попейте воды, успокойтесь и рассказывайте, что вам нужно, — предложил прокурор.

— У меня дети, трое их, мал-мала меньше. Они голодают, лишены средств к существованию... — прервала тягостное молчание посетительница.

— А где же ваш муж?

— Он арестован.

— Так, дальше...

— Все решительно забрали следователи, не оставили ни копейки на пропитание. Вот я и пришла к вам. Умоляю, распорядитесь дать мне хоть немного денег.

— Сколько денег взяли у вас при обыске?

— Не знаю. Это дело мужа... Но, уверяю вас, он честный человек и это скоро выяснится.

— Как же вы не знаете, сколько денег было в семье?

— Говорю, не знаю.

— Хорошо. Потерпите еще денек. Оставьте заявление. Обещаю вам завтра же во всем разобраться... А пока, вот возьмите, — прокурор протянул женщине пятидесятирублевую купюру.

Женщина молча покинула прокурорский кабинет, оставив после себя какое-то гнетущее впечатление.

Прокурор запер в сейф бумаги, оделся и вышел на улицу.

* * *

В старых пожелтевших от времени районных газетах под некоторыми отнюдь не отличающимися литературными достоинствами заметками часто можно увидеть подпись: Л. Бронин.

Не тот ли это Леонид Абрамович Бронин, имя которого пестрит ныне на каждом листе двух объемистых

томов с лаконичной выразительной надписью: «Уголовное дело номер...»

Да, тот самый. Но Л. Бронин, впрочем, давно перестал трудиться на газетной ниве, которая не соответствовала его любящей широкий размах натуре.

Случилось так, что Леониду Абрамовичу Бронину подвернулся Алексей Прохорович Вдовин — человек быстрый на выдумку, ловкий и оборотистый. Оба сходились на том, что нужен «большой бизнес».

— Что будем делать, что вы задумали, любезнейший друг? — спросил Вдовин Леонида Абрамовича.

— Сосиски! — тоном Остапа Бендера воскликнул Бронин. — Не тушуйтесь, пожалуйста, маэстро. Вы еще не знаете, что это за золотая жила — сосиски. Неисчерпаемый прииск!

— Сосунок, он, видите ли, собирается мне объяснять преимущества этого дела, — чуть было не обиделся Вдовин. — Как-никак, всю свою жизнь занимаюсь по части колбасных изделий. Краковская, полтавская, докторская, любительская...

— Спокойно, маэстро. Ваши лавры останутся при вас. Верю, что вы маг и волшебник... Главное — вывеска. Фирма чтобы была солидная.

— Есть что-нибудь на примете? — осведомился колбасник.

— Как же! А фабрика-кухня № 1 на что? Милые люди, должен вам сказать, там работают, уступчивые. Старика Сафонова знаете? Нет! Ах, какое упущение. Ничего, познакомьтесь и сработаетесь. Итак, по рукам, Алексей Прохорович?

— По рукам.

— А насчет оборудования — вопрос требует детального обсуждения... Перенесем его в более благоприятное место. Думаю, что объединенными усилиями выйдем из положения.

— Да, а мясо, а фонды? — вдруг спохватился Вдовин.

— Есть об чем говорить, — подражая все тому же Остапу Бендеру, заключил Бронин. — Положитесь, дорогой, на меня, на мои добрые связи с конторой под благородной вывеской «Мясоторг». Считайте, что вы обеспечены всем необходимым.

Широкая утоптанная дорожка вела в глубь густого хвойного леса, где за зубчатым частоколом высились два настоящих дворца. В только что отделанных, еще пахнувших свежей краской комнатах шел семейный совет. Обсуждался вопрос, как обставить дом, тем более, что гости на новоселье уже были приглашены.

— Ореховый гарнитур! — предложил кто-то из домоладцев. — Что может быть изящнее?

— Нет, не тот стиль, — возразил другой. — Дуб! Все комнаты — под дуб. Вот это да!

Вскоре пришли к общему соглашению относительно мебели и стали обсуждать проблему люстр. Их ведь требовалось 16 — по числу комнат на обеих дачах. Затем настала очередь ковров, посуды, всякой утвари.

А на следующий день тяжело нагруженные машины уже держали путь из города в ту часть хвойного леса, где красовались новые дачи-дворцы.

Наступил, наконец, и долгожданный вечер, когда директор фабрики-кухни, бухгалтер и работники «Мясоторга» устремились на загородные дачи Бронина и Вдовина справлять новоселье.

А тем временем виновники торжества решили «подзаправиться» в городе до наступления праздника.

— Каковы сосисочки, Алексей Прохорович? — лихо опрокинув очередную рюмку коньяка и закусывая бутербродом с черной икоркой и лимончиком, подмигнул Вдовину Бронин. — Говорил вам: настоящий прииск, золотая жила. Так оно и есть...

— Что бы ты стал делать без меня, сосунок, — снова едва не обиделся слегка захмелевший Вдовин. — И без Сафонова — добрейшего из директоров...

— Кстати, за Сафонова чокнемся, милейший, за ангельскую душу его...

— Что ж, пожалуй, можно.

— Однако надо торопиться. Гости-то ждут, — первым опомнился Леонид Абрамович. И, выйдя на улицу, гаркнул: «Такси! Эй, такси!»

...Столы ломились от яств. Звенело серебро, отливала перламутром баккара. Гости устали ждать, с нетерпением поглядывали на часы, под ложечкой у них

сосало: в предвкушении сытного ужина они не закусили дома. Время шло и шло, а виновники торжества все не появлялись...

* * *

Следователь Иван Михайлович Сидоров, подперев руками подбородок, сосредоточенно слушал. Он умел молчаливо вникать в детали, строить сразу мысленно гипотезы, проверять их тут же, по мере того, как разворачивалась картина, воспроизводимая собеседником. Перед ним сидел человек, пришедший в прокуратуру по долгу своей совести.

— Вначале, — рассказывал он, — мы были поражены энергией, которую развили Бронин и Вдовин. Производство сосисок росло и росло. Но не могло оставаться незамеченным и другое — Бронин и Вдовин все более нагтели, жили явно не по средствам, позволяли себе роскошь, которая по карману только какому-нибудь капиталисту. Стал я присматриваться и попал на след.

Однажды отвез я в молочную № 17 тонну сосисок, вечером доставил другую тонну. Накладные были оформлены в должном порядке — не придерешься. Вернувшись на фабрику, я отдал их Бронину. Но едва я вышел из комнаты, как услышал, что Бронин рвет как-то бумаги. Выждав, когда он удалится, решил заглянуть: смотрю, валяются клочки. Подобрал их, склеил. Так и есть — та самая накладная, которую я только что вручил. Вот она, можете взглянуть... На ней расписка заведующего магазином о получении товара.

Следователь взял документ, ознакомился с ним, вернул посетителю — экспедитору Сергею Петровичу Лебедеву.

— Продолжайте.

— Спустя неделю я, словно невзначай, задал директору магазина № 17 вопрос: сколько было доставлено в тот день сосисок. Он тут же выпалил: «Тонну! Разве не помните?»

Ясно! Значит, вторую тонну сплавил, как говорится, налево.

Сергей Петрович закурил и глубоко втянул в себя дым.

— Это еще не все. Я начал, по-видимому, проявлять настойчивость, которая бросилась в глаза. Во всяком

случае, меня стали опасаться, а вскоре ни с того ни с сего предложили «надбавку», превышающую мою основную зарплату. За что? За то, мол, что я перегружен.

Расчет был прост: приму деньги, значит, удалось меня купить, значит, стану я соучастником, и на мои уста будет надета уздечка. Не приму — следовательно, нужно срочно избавиться от меня. Короче, я понял маневр и деньги принял. Вот они, пожалуйста... В три приема получено... Да, мне стали опять доверять и даже больше, чем раньше. Как же — клюнул на приманку. Клюнул? Как бы не так! Вскоре отвез тонну сосисок в магазин № 3. Прощаясь, директор дал мне пакет для передачи лично Бронину. В нем были деньги. Подсчитал, признаюсь, оказалось 3 тысячи. Через день и в магазине № 17 вручили мне пакет. На сей раз — 10 тысяч. Сегодня — очередной...

Лебедев вынул сверток. Раскрыли. Тысяча, пять, десять,... тридцать.

— А как вы считаете, Бронин — умный человек?

— Как сказать... Насчет ума не знаю, но хитер, бестия... А что?

— Так, ничего. Вот что, покажите-ка склеенную накладную... Ну, что ж, идите, на сегодня хватит. А сверток с деньгами передайте по назначению.

* * *

...В этот день в ОБХСС дежурил Владимир Осипович Николаев — заместитель начальника. Еще утром ему позвонил какой-то гражданин и сказал, что хочет встретиться по важному делу. Узнав, что речь идет о каких-то расхитителях, Николаев справился: «А вы уже обращались к нашим работникам?» На это собеседник буркнул что-то невнятное. Николаев обещал принять его вечером. И вот он сидел и ждал, погрузившись в чтение каких-то документов, с которыми не успел ознакомиться днем.

Посетитель не заставил себя ждать. Он не вошел, он ворвался, словно ветер. Оглянувшись, как заговорщик, по сторонам и сев в предложенное ему кресло, он начал было излагать свое дело, но Николаев его прервал.

— Вы бы хоть раньше представились.

— Ах, да, простите. Фамилия моя Бронин... Леонид Абрамович Бронин.

— Так. Слушаю вас.

— Товарищ следователь! Бескорыстное радение о служебном долге привело меня сюда. Я, видите ли, работаю на фабрике-кухне. Чтобы лучше удовлетворить спрос населения, организовали массовое производство сосисок. Сами понимаете, партия и правительство... Наша задача — всемерно... Так вот к сосискам, фигурально выражаясь, присосался жулик, проходимец. Должность? Экспедитор. Да. Ворует, знаете ли. Похищенное сбывает через некоторых заведующих магазинами. С кем конкретно связан — установить не смог. Не знаю твердо... Чтобы определить его честность — пару раз нарочно давал ему взятки. Берет, не смущается.

— И много давали?

— Нет, не очень много. Вижу, вы колеблетесь. Попробуйте сделать эксперимент, и вы убедитесь. Не мне вас учить, что и как, но все же... Возьмем, скажем, пятьсот рублей. Спишем номера. Я, как ни в чем не бывало, передам экспедитору. Он выйдет из кабинета, а вы его — хлоп! Выложи-ка, дружок, денежки, да, да, те самые, что сейчас получил. Это же взятка, надеюсь, не станет отрицать. И все: жулик у вас в руках, вам останется отправить его без лишних слов в тюрьму.

Николаев, не шелохнувшись, выслушал всю эту довольно нехитрую тираду с наставлениями. Будь тот, кто сидел против него, проникательнее, он, возможно, уловил бы, сколь больших усилий стоили следователю эта безучастная сдержанность, этот почти ничего не выражающий взгляд.

— Так как? — спросил посетитель.

— Учтем сказанное вами.

* * *

Иван Михайлович Сидоров спешил на доклад к прокурору. Он быстро прошел в приемную и у двери столкнулся лицом к лицу с Николаевым, которого знал давно. Они были одноклассниками, но после окончания института одного направили на работу в органы

уголовного розыска, другого — в прокуратуру. Случилось, однако, так, что спустя некоторое время оба оказались в одном и том же городе.

— Вызывал? — спросил Николаев Ивана Михайловича.

— Нет. Установленное время, — кивнув на часы, ответил Сидоров и скрылся за дверью, откуда только что вышел Николаев.

У Сидорова была своя манера докладывать. Он вначале излагал суть дела в общих чертах, затем переходил к деталям, аргументируя каждый довод, потом, в самом конце, называл фамилии конкретных лиц, замешанных в деле. На этот раз, когда Сидоров перешел к заключительной части доклада и уже произнес свое обычное «Полагал бы...», прокурор, не дав ему договорить, прервал его:

— Как, простите, фамилия главного заправилы? Бронин? Так, так... Одну секунду.

Тут он снял телефонную трубку и несколько раз повернул диск. Гудки, щелчок, и трубка заговорила. На другом конце провода кто-то, откашливаясь, басил, его голос был слышен не только тому, кто держал трубку у уха, но и находящемуся вблизи.

— Вот оно что... — заключил, наконец, прокурор. — Так это он. Лихой трюк, что и говорить. Впрочем, у меня сейчас Сидоров. Пришел за санкцией на арест... Вот именно, Бронина и его компании. Ну, хорошо, разберемся. Довольно любопытная история.

* * *

«Победа» мышиного цвета мчалась по улицам. Рядом с водителем такси важно восседал раскрасневшийся, подогретый коньячными парами Бронин. Он мечтал об уюте загородной дачи. На заднем сиденье посапывал совсем захмелевший Вдовин.

— Газку, газку прибавь, — поминутно твердил шоферу Бронин. — Понимаешь, опаздываем...

Машина миновала городскую заставу и покатилась по широкой ленте асфальта, развивая большую скорость. Вдруг — резкое торможение, от которого пассажиров сильно подбросило вверх. Светофор? Нет.

— Ваши документы! — донеслось до слуха сидящих, прежде чем они успели опомниться. Бронин выжидающе посмотрел на шофера. Тот не спешил предъявлять водительские права. В них, собственно, и не нуждались. Требование относилось к пассажиру.

— Ах, мои... — сразу сник Леонид Абрамович, засовывая руку то в левый, то в правый боковой карман.

— И ваши, гражданин, — услышал Вдовин, который сразу отрезвел от властного тона, не предвещавшего ничего приятного. — Так, — заключил молодой человек, не выпуская из рук документы. — Попрошу вас рассчитаться за такси и пересесть в другую машину.

— А в чем, собственно, дело? С кем имеем честь? Мы спешим...

— Знаю, что спешите. Новоселье? К сожалению, придется отложить. Вы арестованы!

Именно по этой, совсем не предвиденной Брониним причине гостям, собравшимся на даче, пришлось долго ждать начала торжества и уехать, так и не дождавшись хозяина.

* * *

Догадка, осенившая внезапно Сидорова, когда экспедитор Лебедев рассказывал ему, как попал на след преступления, созрела, упрочилась, развилась в стройную гипотезу. Профессиональное чутье? Может быть. Но так или иначе, когда эту догадку подтвердила тщательная проверка, Сидоров не мог в тайниках души не поздравить себя с прозорливостью, без которой, пожалуй, немыслима работа следователя.

Когда были приняты соответствующие меры и ничто уже не могло помешать раскрыть преступление, Сидоров решил, что наступила пора поделиться с Лебедевым кое-какими секретами.

— А накладная, которую вы тогда мне показывали, — не что иное, как специально заготовленная фиктивная бумажка. С одной стороны, она должна была ввести вас в заблуждение, а с другой — прощупать вашу надежность. Бронин стремился удостовериться, действительно ли вы попали на след, насколько далеко зашли в своих подозрениях. А что это именно

так — мы узнали не только из признаний самого Бронина, а значительно раньше. И это, должен вам сказать, не стоило даже особых трудов. Ведь в бухгалтерии все документы оказались в полном порядке и, представьте, накладные лежали на обе тонны сосисок.

Помните нашу первую встречу? — продолжал следователь. — Я спросил вас: умен ли Бронин? Вы ответили как-то неопределенно. А ведь не подумали, что никакой здравомыслящий человек не станет уничтожать документы, бросать, как попало, их клочки и, прямо-таки скажем, открывать собственными руками двери тюремной камеры для своей уважаемой персоны. Еще скажу, что вас Бронин и компания едва не запрятали за решетку, когда обнаружили, что экспедитор переходит границы своих скромных обязанностей, проявляет повышенный интерес к клочкам бумаги, валяющимся в кабинете начальства. Выйти сухими из воды и избавиться от соглядатая — недурная мысль, не правда ли?

* * *

Во время обыска на квартире у Бронина были изъяты ценности и свыше четверти миллиона наличными деньгами.

Обвиняемый Бронин быстро сообразил, что деваться некуда, что вилить перед следствием совершенно бессмысленно. И он выложил все начистоту.

— В фарше преобладала мука. Это давало нам «припек», который позволял сплавлять на сторону тонны сосисок. Коммерция шла бойко. Лабораторные анализы? Туда посылались, разумеется, образцы, где пропорция соблюдалась со скрупулезной точностью. Внезапные проверки у нас не были приняты.

— Не за счет же одной только муки вы выезжали. А мясо где брали без фондов?

— Как где? В «Мясоторге»! Нет, не за красивые глаза делались услуги. Вас интересует, с кем мы имели там дело? Извольте...

— И вы не боялись разоблачений? Ведь рано или поздно все должно было раскрыться.

— Вначале оглядывались, потом втянулись, опьянела легкая добыча...

— Скажите, то, что вы честным трудом зарабатывали, хватило бы на жизнь вам и вашей семье?

— О, да, конечно...

— Что же вас толкнуло на преступление? — задал следователь вопрос, ответ на который был заранее ему известен. Он слышал его из уст почти каждого привлеченного к ответственности за преступление, аналогичное тому, что совершили Бронин и компания. И все же он ждал, что ответит этот холеный мужчина, который не стыдится смотреть в глаза порядочным людям.

— Стремление к роскоши...

Перед следователем сидел один из представителей разномастной категории хапуг. У всех у них одна философия — философия стяжательства.

Этой философией они подчас заражают неустойчивых людей, падких до всякой мишуры. Порой микробы стяжательства так сильно поражают человека, что он готов ради наживы пожертвовать интересами, благополучием, будущим собственной семьи, детей.

К подобной категории, по-видимому, принадлежала и Софья Матвеевна, жена Бронина, та самая женщина, с которой мы познакомились в начале рассказа.

...Прокурор вертел перед собой заявление Софьи Матвеевны. Какое принять решение?

Ему доложили, что, действительно, ребятам нечего есть, в доме один только хлеб. С другой стороны, следователь, ведущий дело Бронина, располагает убедительными данными о том, что... Впрочем, не мешает лишний раз проверить.

Софья Матвеевна опешила, когда снова увидела в своей квартире Сидорова и понятых. О, теперь это ей хорошо знакомо, она догадывается, с какой целью они явились.

— Опять обыск?! — истерично воскликнула Бронина.

Все было тщательно осмотрено. Нигде ничего. Но что это за свежее пятно на стенке в уборной? Лопнула водопроводная труба? Возможно. Рука следователя коснулась стены в том месте, где было пятно. Штукатурка легко отделилась, обнажился ряд кирпичей. Ну, конечно же, тайник.

— Сколько там денег, Софья Матвеевна?

— Не знаю, считайте.

«Устрица! — подумал Сидоров. — Живая или нет — узнаешь только тогда, когда выжмешь на нее лимон... Где он это вычитал? Ах да, у Эльзы Триоле, в ее романе «Розы в кредит».

Сидоров осторожно достал коробочку с ценностями, завернутые в целлофан пачки денег.

— Этих средств вам могло бы хватить на долгие годы. К чему же детей голодом морили? — с досадой вырвалось у следователя.

Продавец скупочного магазина отсчитал деньги и положил на прилавок. Вот они: пять новеньких сто-рублевков. Вера осторожно протянула руку и, стараясь не смотреть на продавца, положила деньги в карман.

Вера боялась людей, которые, казалось, все смотрели сегодня на нее. Вдруг они спросят, что она держит в кармане? Вечером, сегодня вечером, она отдаст деньги Игорю.

А два раза в месяц Вера получает зарплату. Эти деньги она тоже держит в кармане, но они такие мягкие, так приятно шуршат. А потом тетка, слюнявя пальцы, пересчитывает их, ворча на бога, пославшего ей неизвестно за какие грехи лентяйку и дармоедку. Игорь тоже, наверное, пересчитает деньги и скажет... Что он скажет? Какая разница. Она отдаст ему деньги и уйдет. Нет, она ему еще скажет... Она найдет, что сказать.

А сейчас — домой. Прошло 4 часа, как она ушла, будет скандал.

Около дверей Вера еще раз проверила, как спрятаны деньги, и позвонила.

Тетка встретила ее широкой улыбкой. Наверное, дома были гости. И правда, приехал брат отца. Вера облегченно вздохнула. В ближайšie три-четыре дня, пока Иван Петрович не уедет, дома будет тихо, почти так же тихо, как в то далекое время, когда были живы мама с папой. А на работе... Вера даже вздрогнула. Она вспомнила человека в форме, который допрашивал ее. Он хотел знать, почему она ушла из раздевалки позже своих подруг. Она, кажется, сказала ему, что всегда уходит позже, что об этом он может спросить кого угодно, что она просто медленно одевается. Ведь это, действительно, так.

Однажды, когда все уже ушли, она увидела, что шкафчик напротив неплотно закрыт. Вера вынула из него чью-то модную шляпку, пальто и долго примеряла их перед зеркалом. Об этом она не рассказала человеку в форме...

— А ты повзрослела, Верочка, ты слышишь меня?

— Да, конечно, слышу, дядя Ваня.

Он еще спрашивает что-то о работе. Может быть, рассказать ему все? Ну нет! Хватит разговоров в цехе. Неужели следователь вызовет ее еще раз?

— К тебе гость приехал, а ты как сыч сидишь и молчишь, — откуда-то издали слышен теткин голос. Выручила Зина, верная подружка. Она тоже пришла в гости. Теперь можно уйти в угол, сесть на диван и пошептаться. Но о чем говорить, что Зина знает? И Вера опять молчит.

Она вспомнила маму: как та кормила ее и Зину яблочным пирогом и Зина не хотела уходить к себе. Как приходила Зинина мама и долго извинялась за свою бесцеремонную дочку. Нет, Зина хорошая девочка. Когда Вериних мамы и папы уже не было, Зине сшили новое платье к майским праздникам, но она не хотела его одевать, потому что у Веры нового платья не было...

Потом приехала из деревни тетка. Было очень больно видеть почти незнакомую женщину там, где раньше привыкла видеть отца, мать. Вера все хотела уйти из дому, но как-то не решилась. Тетка зарабатывала мало, пришлось Вере пойти работать на ткацкую фабрику.

Полтора года назад, едва получив паспорт, Вера вошла в цех. «Ты комсомолка?» — это, кажется, первое, что у нее спросили. Да, она комсомолка. «Комсомолка! Комсомолка!» — вдруг больно застучали в голове молоточки-мысли...

Где она познакомилась с Игорем? Ах да, на вечере в клубе. Вера стояла в углу и вместе с другими девушками слушала, как Надя рассказывала:

— Вон он, черненький, симпатичный такой. Это Игорь. У него папаша директор какой-то.

И вдруг Игорь подошел к ним и пригласил танцевать Веру. Лучше бы она отказалась тогда пойтисним. Зачем она согласилась?

После вечера Игорь проводил ее до самого подъезда и очень тихо сказал: «До свиданья, деточка». Ее никогда еще не провожали домой.

Она все, все рассказала Игорю: про маму, про работу, про тетку. «С твоей внешностью ты можешь стать звездой экрана, — говорил Игорь. — У тебя будут слава, деньги». Однажды она рассказала Игорю о том, как мерила чужую шляпку и пальто в гардеробе. Он вдруг стал серьезным: «Знаешь, родители что-то перестали давать мне деньги. Тебе нравится в этом кафе? Внеси свою долю. Не клади вещи обратно в шкафчик, а положи в свой чемодан». Вера задохнулась. Она должна сказать этому гадкому человеку, что она, Вера...

— Тише, — зашептал Игорь, — что же, ты у тетки будешь просить денег? А ведь нам нужны деньги, чтобы ходить в кино и кафе. Никто ничего не узнает, если мы сами не проговоримся...

И зачем она пошла тогда с ним танцевать!..

...Зина сидит рядом на диване и молчит. Какая она все-таки умница. Ничего не спрашивает и молчит. Уже 10 часов. Теперь можно пойти спать. Извиниться и сказать, что завтра рано вставать на работу. Иван Петрович как-то странно смотрит на нее. Обычно Вера так рада его приезду. Ей стало стыдно. Она еле дошла до кровати, уткнулась носом в подушку и, наконец, заплакала. Весь день она готовилась выплакаться, весь день едва сдерживала слезы, и вот не нужно притворяться, не нужно с чужой, противной улыбкой сидеть, сложив руки на коленях.

Вера привыкла тихо плакать, чтобы никто не слышал. Не надо им слышать, как она плачет, они не поймут ничего. Сегодня вечером ее ждет Игорь. Он не дождется. Она хотела отдать ему сегодня эти деньги и не пошла к нему. Ей жалко денег? Нет! Пока деньги у нее в руках, все можно еще как-то повернуть назад. А потом будет поздно...

Как-то зимой они не достали билетов в кино, и Игорь предложил погреться в кафе. Вере очень уж не хотелось идти домой. Подумаешь, выпить чашку кофе! Правда, Игорь взял коньяк, но она пила только кофе.

Вера ясно представила себе уютный зал, веселых вежливых людей за столиками, необыкновенно вкусные пирожные. Как это было непохоже на то, что делалось дома. Правда, потом Вера стала замечать, что люди за столиками не всегда вежливы, что Игорь выглядит часто смешным, стараясь казаться «великосветским львом». Но все-таки Вера отдыхала здесь. Все-таки она ждала воскресенья именно из-за этого уюта, теплоты...

Вера чувствовала, что ее вызовут к следователю еще раз. Она готовила себя к новой встрече, но все же вздрогнула, выронила из рук шпильку, когда ее позвали.

Следователь сидел один. Он и Вера, больше никого. Он смотрит прямо в глаза. Только не опускать глаз, смотреть прямо на следователя. Что это за взгляд у него? Добрый, ласковый, внимательный и вместе с тем строгий. Почему он молчит? Пусть спросит что-нибудь. Сколько можно молчать!

— Какое сегодня число?

Что он спрашивает? Зачем? 1 августа... А! Сегодня день рождения папы. В этот день у них всегда бывали гости — старые папины товарищи. И они вспоминали также 1 августа 1932 года. В тот день...

— Так какое сегодня число? Ты вспомнила? В этот день родился твой отец. А в 1932 году в этот же день сдали цех, в котором ты сейчас работаешь. Новый цех строили комсомольцы. Секретарем комитета комсомола был твой отец. Строили на субботниках. Ткачи стали каменщиками, штукатурами. Самым радостным днем для них было 1 августа. В цехе был накрыт огромный стол, и твой отец сказал волнующую речь о тех, кто будет здесь работать. Это было 27 лет назад. И через 27 лет...

Вера подняла голову и посмотрела ему в глаза. Она теперь может это сделать, она решила. Деньги здесь, в кармане. Она вытащила их и положила на стол.

— Это деньги от продажи пальто?

Вера не смогла ответить. Это было выше ее сил.

* * *

В большом зале клуба заняты все места. Сколько людей! Молодых и старых, знакомых и чужих. Нет, чужих здесь нет, всех интересует Верина судьба. Это ее судьи. Страшно, когда столько судей. Но они не ошибутся. Не могут ошибиться.

Первым говорит следователь. Говорит долго и обстоятельно. Он обвиняет, он и оправдывает. Его знают на фабрике, ему верят.

— Девушке восемнадцать лет. А от кого она слышала хорошие слова? От бездельника, пустого человека, ставшего преступником. Для нас, опытных людей, слова, которые он говорил ей, — банальные фразы. А для Веры это было ново...

Вера сидит в углу на стуле. Она опустила голову, вся съежилась, ей хочется стать совсем незаметной. Вера ощущает на себе взгляды сотен внимательных, изучающих глаз. Ей вдруг становится жалко себя, к горлу подкатывается комок...

— Коллектив достаточно крепок, чтобы взять ее на поруки. Из нее вырастет настоящий человек, я ни минуты в том не сомневаюсь.

Выступает Александра Лаврентьевна, которая первой встретила Веру в цехе, научила ее всему, что она умеет сейчас.

— Знали мы про Верину жизнь дома. Да закрутились вот с работой... Как-то все некогда было поговорить с ней, помочь. Плохо это, конечно. Веру мы проглядели. Но если нам разрешат взять ее на поруки — все будет иначе...

Секретарь комитета комсомола Таня Миронова вспомнила интересный случай.

— Пришла Вера как-то в драмкружок. Доволен был его руководитель. И ей, видно, там понравилось. Но сходила она на три занятия — и все. Руководитель кружка ко мне приходил. У Веры, говорит, большие

способности. Поговорила я с Верой, а она: «Драмкружок — это не собрание, хочу — хожу, хочу — нет». Ей было стыдно признаться, что тетка отпускает ее из дому только на один вечер в неделю — в воскресенье. Мы не знали об этом. А так как числилась у нас Вера в «неактивных», махнули рукой. Но ведь она могла прийти к нам сама...

Правдивые, ободряющие и горькие слова ударили прямо по сердцу.

— Спасибо за то, что поддержали меня, спасибо вам всем. Я буду, буду... честное слово...

И люди поверили девушке. А когда шли домой по вечерним улицам, Вере вдруг захотелось сказать всем, кто шел с ней, то, что так и не сумела высказать на собрании.

Но она опять не нашла слов, а только взволнованно улыбалась.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Вместо предисловия	5
Диктант с ошибкой	7
Паутина	17
Спустя пять лет	25
Никому не удалось уйти	32
Без двадцати двенадцать	40
Бочка селедок	49
Расхитители	59
Вера	71

Дворкин Анатолий Григорьевич
„ДИКТАНТ С ОШИБКОЙ“

Редактор *О. К. Ауновская*

Оформление серии *М. Э. Шлозберга*

Рисунки художника *И. А. Огурцова*

Художественный редактор *Ю. В. Алексеев*

Технический редактор *Н. Л. Щедрина*

Корректор *Е. В. Крюкова*

Сдано в набор 29/VII 1960 г. Подписано к печати 19/X 1960 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 2,5; условн. печ. л. 4,1; учетно-изд. л. 3,61. Тираж 150 000 экз. А-09080. Цена 9 коп. Заказ № 1678.

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38 — 40.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП
Ленсовнархоза
Ленинград, Измайловский пр., 29.

**НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ
И ВЫЙДУТ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ**

следующие брошюры

в серии

„Из зала суда“.

Безуглов А. Ф., Последнее письмо, 70 коп.

Гераскин В. В., Я не вор, 85 коп.

*Голосовский И. М., Повесть о спасенной судьбе,
1 р. 15 к.*

Монахов В. И., Возвращение, 70 коп.

Рубежов Г. С., Человек споткнулся, 45 коп.

*Черменский И. В., Это случилось в Приволжском,
70 коп.*

Яковлев Г. Я., Товарищ следователь, 60 коп.

**БРОШЮРЫ ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ В МАГАЗИНЫ КНИГО-
ТОРГА И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.**